В. М. Хвостовъ,
бывш. профессоръ Московскаго Университета.

I.

ПСИХОЛОГІЯ ЖЕНЩИНЪ.

II.

О РАВНОПРАВІИ ЖЕНЩИНЪ.

Доходъ отъ продажи этой брошюры поступаетъ въ пользу недостаточныхъ слушательницъ Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

Типо-литограф. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1911.

В. М. Хвостовъ,
бывш. профессоръ Московскаго Университета.

I.

ПСИХОЛОГІЯ ЖЕНЩИНЪ.

II.

О РАВНОПРАВІИ ЖЕНЩИНЪ.

Доходъ отъ продажи этой брошюры поступаетъ въ пользу недостаточныхъ слушательницъ Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

Типо-литограф. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1911.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

20533.

Психологія женщинъ.

(G. Heymans. Die Psychologie der Frauen. Heidelberg, Winter. 1910. Русскій переводъ: Г. Геймансъ. Психологія женщины. Изд. О. Богдановой. 1911) [1].

I.

Женщины не могутъ пожаловаться на невниманіе къ нимъ со стороны научной литературы. Спеціальные справочные каталоги по женскому вопросу достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ, не обнимая собою всего, что по этому поводу напечатано на разныхъ языкахъ культурнаго міра. Въ частности нельзя сказать, чтобы мала была литература по вопросу о женской психикѣ. Можно перечислить гораздо больше полусотни трудовъ, посвященныхъ въ современной литературѣ этой темѣ [2]). Если кто можетъ считать себя обиженнымъ, то скорѣе мужчина, такъ какъ почти не существуетъ книгъ, спеціально трактующихъ мужскую психологію. Этотъ пробѣлъ лишь отчасти восполняется тѣмъ, что объ особенностяхъ мужской психики приходится говорить всѣмъ авторамъ, изучающимъ женскую психологію.

Но это обиліе трудовъ по психологіи женщинъ не доказываетъ еще того, что эта отрасль научнаго знанія дѣй-

[1]) Докладъ, прочитанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 4 декабря 1910 г. и напечатанный въ «Вопр. фил. и псих.» 1911 г. кн. 106.

[2]) См. списокъ у *Heymans*, die Psychologie der Frauen, 307—8. Ср. также Verzeichniss der zur Frauenfrage 1851—1901 in Deutschland erschienenen Schriften, herausg. von Deutsch-Evangelischen Frauenbund, mit Nachtrag 1902—4 (Hannover, 1904), 229—230, 59—60. List of works in the New-York public Library relating to Woman, 10—20.

ствительно серьезно разработана. Интересъ къ вопросу проявляется давно, но очень рѣдко за его разрѣшеніе берутся настоящіе ученые, которые относятся къ своей задачѣ съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ и съ надлежащей серьезностью. Въ большинствѣ случаевъ качество работы страдаетъ либо отъ того, что за нее принимаются дилеттанты, не въ достаточной степени считающіеся со строгими требованіями научнаго метода, либо отъ того, что къ дѣлу приступаютъ не въ цѣляхъ объективнаго теоретическаго изслѣдованія, но для разрѣшенія какихъ-нибудь практическихъ вопросовъ, въ родѣ проблемы женскаго избирательнаго права или допущенія женщинъ въ университеты. Обоими этими недостатками страдаетъ, напримѣръ, извѣстный трудъ нашего соотечественника П. Е. Астафьева «Психическій міръ женщины» (М., 1899). Астафьевъ идетъ въ своей работѣ почти исключительно дедуктивнымъ путемъ. Онъ исходитъ изъ физіологическаго назначенія женщины и отсюда при помощи логическихъ умозаключеній выводитъ всѣ ея характерныя особенности, не заботясь о достаточномъ выясненіи вопроса на почвѣ тщательно и критически подобраннаго матеріала фактовъ. Все изслѣдованіе притомъ проникнуто совершенно опредѣленными точками зрѣнія на практическое разрѣшеніе женскаго вопроса, сводящееся, въ сущности, къ полному его устраненію.

Какъ разнообразны воззрѣнія, высказываемыя разными авторами по вопросу объ отличительныхъ чертахъ женской психики, хорошо иллюстрируетъ одна современная писательница въ этой области [1]). На нѣсколькихъ страницахъ она сопоставляетъ различные отзывы о женщинахъ и получаетъ картину, отличающуюся удивительной пестротой. Въ то время какъ одни считаютъ отличительной особенностью женщины ея податливость и способность къ подчиненію, другіе, напротивъ, наклонность къ господству и властвованію выдвигаютъ, какъ основное свойство типиче-

[1]) *Rosa Mayreder*, Zur Kritik der Weiblichkeit ^{3}(1910), 9—13.

ской женщины. Одни считаютъ кротость свойствомъ, присущимъ женщинамъ, другіе выступаютъ съ утвержденіемъ, что именно гнѣвность есть такая форма аффекта, которая издавна и съ полнымъ основаніемъ приписывается женщинамъ. Женщины по природѣ консервативны, утверждаютъ одни изслѣдователи, въ то время какъ другіе съ полнымъ убѣжденіемъ заявляютъ, что именно женщинами держится революціонный духъ. Есть писатели, которые восхваляютъ женщину за ея духъ законности, въ то время какъ другіе возмущаются ея по существу неюридическимъ складомъ и природной несправедливостью. Умѣренность и сдержанность украшаетъ женщину въ глазахъ однихъ, а другіе полагаютъ, что нѣтъ женщинъ, которыя въ душѣ не были бы склонны къ полной порочности. Прилежаніе и постоянство характеризуютъ женщину въ глазахъ ея поклонниковъ, тогда какъ цѣлый рядъ писателей обвиняетъ женщинъ въ непостоянствѣ и легкомыслiи. Одни считаютъ женщину особенно способной къ анализу, тогда какъ другіе огорчаются именно недостаточной силой анализа у женщинъ. Самая любовь женская характеризуется у разныхъ писателей иногда діаметрально противоположными чертами. Слѣдуетъ къ этому добавить, что многіе отрицаютъ вообще наличность коренныхъ психическихъ различій между полами и тѣмъ еще болѣе увеличиваютъ разноголосицу.

При такомъ состояніи дѣла большой интересъ представляетъ попытка разработать вопросъ о женской психологіи, исходящая отъ крупнаго ученаго, извѣстнаго уже своими работами какъ въ области философіи, такъ и въ области психологіи,—попытка, поставленная на вполнѣ научную почву и выполненная съ соблюденіемъ самыхъ строгихъ требованій научнаго безпристрастія. Я разумѣю только что появившуюся книгу гронингенскаго профессора *Гейманса* „Психологія женщинъ“. Эта книга составляетъ, несомнѣнно, крупный вкладъ въ литературу по спеціальной психологіи, и потому я счелъ умѣстнымъ составить краткое изложеніе основныхъ выводовъ автора и ознакомить съ ними присут-

ствующихъ. Предупреждаю, впрочемъ, что въ этомъ докладѣ я не слѣдую порядку изложенія автора; я по-своему сгруппировалъ тотъ матеріалъ, который даетъ намъ Геймансъ въ своемъ изслѣдованіи [1]), а въ заключеніе постараюсь выяснить нѣкоторыя общія точки зрѣнія, которыя могутъ быть поддерживаемы на основаніи выводовъ, заключающихся въ трудѣ Гейманса.

Какъ въ предисловіи къ своей книгѣ, такъ и на заключительной ея страницѣ Геймансъ отмѣчаетъ, что онъ самъ весьма далекъ отъ того, чтобы видѣть въ своемъ трудѣ окончательное разрѣшеніе поставленной проблемы. Матеріалъ, которымъ располагаетъ изслѣдователь женской психики въ наше время, еще слишкомъ ничтоженъ, чтобы можно было мечтать о какихъ-нибудь окончательныхъ выводахъ. Но книга Гейманса составляетъ эпоху въ разработкѣ вопроса, потому что авторъ чрезвычайно серьезно относится къ методологической сторонѣ дѣла, т.-е. идетъ въ своемъ изслѣдованіи съ надлежащей осторожностью, и вполнѣ отрѣшается отъ всякихъ практическихъ тенденцій, т.-е. не заглядываетъ ни въ область политики, ни въ область педагогики, ни въ область экономики.

Геймансъ считаетъ психологію женщинъ отдѣломъ такъ называемой *спеціальной психологіи* [2]). Эта наука имѣетъ своимъ предметомъ изученіе тѣхъ особенностей и различій, которыя наблюдаются въ человѣческомъ сознаніи. Психическія особенности людей можно изучать, во-первыхъ, въ ихъ соотношеніяхъ между собою. Такъ, можно сдѣлать предметомъ научнаго изслѣдованія вопросъ объ эмоціональности и фантазіи въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Въ результатѣ изслѣдованій такого рода можетъ быть построено ученіе

---

[1]) Самъ Геймансъ располагаетъ свой матеріалъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сознательное и безсознательное, чувства, воспріятіе и представленіе, интеллектъ, воля и дѣйствованіе, происхожденіе психическихъ различій между полами.

[2]) *Meumann*, Intelligenz und Wille (1908), стр. IV и 1, говоритъ о практической или прикладной психологіи.

о темпераментахъ, о психическихъ типахъ. Во-вторыхъ, можно изслѣдовать отношеніе психическихъ особенностей людей къ такимъ ихъ различіямъ, которыя сами уже къ психической сферѣ не относятся, напримѣръ, къ возрасту, полу, національности, соціальному положенію. Такъ мы получаемъ психологію ребенка, психологію ученаго, художника и т. п. Къ послѣднему разряду относится и психологія женщинъ. Слѣдуетъ отмѣтить, впрочемъ, что книга Гейманса содержитъ въ себѣ интересный матеріалъ и по вопросамъ спеціальной психологіи, отнесеннымъ авторомъ въ первый разрядъ.

Приступая къ изслѣдованію, Геймансъ дѣлаетъ нѣсколько важныхъ предупрежденій читателю. Во-первыхъ, онъ указываетъ, что различія мужской и женской психики въ его глазахъ отнюдь *не являются различіями по цѣнности*. Конечно, всѣ различія по цѣнности предполагаютъ наличность фактическихъ различій, но отсюда не слѣдуетъ, что и всѣ фактическія различія должны приводить къ различіямъ по цѣнности. Мужчины и женщины могутъ оказаться весьма различными по своему психическому укладу, но это не мѣшаетъ имъ быть вполнѣ равноцѣнными существами [1]). Далѣе, слѣдуетъ имѣть въ виду, что психическія различія между полами являются вообще *различіями не по качеству, а лишь по степени*. Какъ мужчины, такъ и женщины обладаютъ всѣми психическими свойствами, присущими человѣку вообще, но обладаютъ этими свойствами въ разныхъ степеняхъ: у одного пола болѣе рѣзко выражены одни свойства, у другого эти свойства выступаютъ слабѣе, но зато болѣе развиты другія свойства. Наконецъ, не нужно забывать, что различія эти имѣютъ *статистическій характеръ*. Дѣло идетъ о выясненіи типа средней женщины и средняго мужчины. Слѣдовательно, правильность полученныхъ выводовъ не можетъ быть опровергнута ссылкой на тѣ или другіе единичные

[1]) *Meumann*, цит. соч., стр. 30, устанавливаетъ, какъ общее правило, что едва ли есть какая-нибудь духовная особенность, которая была бы только вредна, или же такая, которая была бы во всякомъ случаѣ выгодна.

примѣры. Могутъ быть уклоняющіяся отъ нормы, т.-е. весьма мужественныя женщины, такъ же какъ встрѣчаются и женственные мужчины. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ извѣстныя свойства у женщинъ выражены сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ, и въ этой степени встрѣчаются у большинства представительницъ этого пола.

Свои вступительныя разсужденія авторъ заканчиваетъ обозрѣніемъ того матеріала, который можетъ быть положенъ въ основу предстоящей работы. Онъ указываетъ на слѣдующіе *важнѣйшіе источники*. 1) Грубая индукція, которая получается у людей на основаніи данныхъ повседневнаго опыта и выражается въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ сужденіяхъ о типическихъ явленіяхъ. Сужденія эти обыкновенно даже не подкрѣпляются опредѣленными аргументами, но, по большей части, только иллюстрируются примѣрами. Конечно, такой матеріалъ весьма много теряетъ въ своей научной пригодности, такъ какъ не поддается методической провѣркѣ, но вполнѣ отвергать его не слѣдуетъ. Авторъ часто пользуется въ своей работѣ сужденіями, высказанными о женщинахъ разными писателями; иногда онъ прибѣгаетъ и къ народнымъ пословицамъ, которыя представляютъ собою довольно однохарактерный матеріалъ, будучи результатомъ грубой индукціи цѣлыхъ народныхъ массъ. 2) Экспериментъ фантазіи, который состоитъ въ томъ, что кто-нибудь старается по возможности погрузиться въ психическій міръ другого лица и какъ бы самому его пережить и описать. Это—пріемъ романиста и историка, который пытается реконструировать психологію своего героя. И этотъ матеріалъ имѣетъ свою цѣнность, но авторъ предпочитаетъ пользоваться имъ какъ можно менѣе, въ виду его еще болѣе слабой надежности, чѣмъ результатовъ грубой индукціи. 3) Дедукція, которая пытается разрѣшить вопросъ при помощи логическихъ умозаключеній изъ извѣстныхъ общихъ посылокъ. Я уже указывалъ въ началѣ своего изложенія на работу Астафьева, которая написана именно такимъ методомъ. Геймансъ совершенно основательно замѣчаетъ, что

дедукція является гораздо болѣе средствомъ для объясненія уже установленныхъ фактовъ, нежели для ихъ установленія и доказательства. 4) Научная индукція, которая должна опираться на строго систематизированныя и провѣренныя данныя опыта. Матеріалъ для такой индукціи доставляютъ біографическіе очерки, спеціально поставленныя анкеты, психологическій экспериментъ, производимый по опредѣленной методѣ, общей для массы изслѣдователей, статистическія данныя, особенно по вопросамъ о душевныхъ болѣзняхъ и преступности. Авторъ и самъ собиралъ матеріалъ такого рода. Въ своемъ изслѣдованіи онъ широко использовалъ матеріалъ двухъ анкетъ, имъ самимъ организованныхъ въ Голландіи. Одну изъ этихъ анкетъ онъ называетъ анкетой наслѣдственности. Она состояла въ томъ, что большое количество нидерландскихъ врачей было опрошено объ извѣстныхъ имъ семьяхъ въ цѣляхъ выясненія передачи по наслѣдству психическихъ свойствъ. Другую анкету Гейманс называетъ школьной анкетой. Она получилась путемъ опроса учителей и учительницъ въ 54 нидерландскихъ среднихъ школахъ, при чемъ для настоящаго изслѣдованія авторъ считаетъ особенно цѣннымъ матеріалъ, полученный изъ совмѣстныхъ школъ.

Малое количество такихъ анкетъ и неудовлетворительная постановка психологическаго эксперимента являются въ глазахъ автора главной причиной скудости матеріала по изучаемому имъ вопросу. Поэтому теперь можно дать только очень грубые контуры сооружаемаго зданія, да и то съ рискомъ, что при дальнѣйшемъ накопленіи матеріала все зданіе обвалится, за исключеніемъ, впрочемъ, заложеннаго для него фундамента [1]).

[1]) Въ числѣ источниковъ у Геймана, конечно, не упоминается *самонаблюденіе*, которое въ этой области ему, какъ мужчинѣ, недоступно. Но онъ сознаетъ значеніе этого неизбѣжнаго недостатка своей работы и потому заявляетъ, что „настоящую психологію женщины мы, конечно, должны ожидать отъ женщины, которая будетъ въ достаточной степени женщиной, чтобы пережить въ себѣ все богатство женской души, и въ то же время достаточно приближаться къ мужскому образу мысли, чтобы аналитически осилить это богатство“ (12).

II.

Въ какихъ же, спрашивается, отличительныхъ чертахъ вырисовывается передъ нами психологія типической „средней“ женщины на основаніи изслѣдованія Гейманса? Я считаю возможнымъ свести выводы Гейманса къ шести основнымъ положеніямъ.

I. *Эмоціональность*. Общепризнаннымъ свойствомъ женщины является бо́льшая эмоціональность сравнительно съ мужчиной. Женщина гораздо сильнѣе мужчины чувствуетъ и въ болѣе сильной степени выражаетъ вовнѣ свои чувствованія. Не выдерживаетъ серьезной критики мнѣніе Ломброзо, будто женщина чувствуетъ слабѣе мужчины и только выражаетъ свои чувства энергичнѣе [1]). Реакціи чувства въ жизни женщины и встрѣчаются гораздо чаще; онѣ проникаютъ собою все ея существованіе. „Для средняго мужчины возбужденія чувства составляютъ преходящія уклоненія отъ нормальнаго состоянія духа, лишь немного отклоняющагося отъ пункта безразличія; средняя женщина находитъ въ этихъ реакціяхъ свою естественную сферу, гдѣ она чувствуетъ себя дома и которую она покидаетъ только рѣдко и неохотно. Она все воспринимаетъ съ эмоціональной стороны, для нея ничто не безразлично, за исключеніемъ только того, что на время вытѣснено изъ ея сознанія другимъ элементомъ, еще въ большей степени окрашеннымъ чувствомъ... Она принимаетъ нѣкоторыя вещи

---

[1]) Ломброзо основываетъ этотъ свой выводъ на томъ, что женщины оказываются менѣе чувствительны къ раздраженіямъ при экспериментахъ, что онѣ терпѣливѣе мужчинъ выносятъ хирургическія операціи и болѣзни, спокойно переносятъ всякаго рода лишенія и т. п.; слѣдовательно, въ остальныхъ случаяхъ, заключаетъ онъ, женщины только по внѣшности сильнѣе выражаютъ свои чувства, но на самомъ дѣлѣ чувствуютъ слабѣе мужчинъ. На это Геймансъ возражаетъ, что объ интенсивности чувства у другого человѣка мы можемъ судить вообще только по внѣшнимъ проявленіямъ, и если въ однихъ случаяхъ слабыя проявленія заставляютъ изслѣдователя заключить къ слабой степени чувства, то на какомъ же основаніи при сильныхъ проявленіяхъ тотъ же изслѣдователь дѣлаетъ иное заключеніе? (68—69).

слишкомъ трагически, чтобы имѣть возможность принять другія съ надлежащей степенью серьезности" (72). Поэтому женщина сильно и страстно желаетъ, проявляетъ нетерпѣніе и пылкость въ надеждахъ; при помощи своей живой фантазіи она представляетъ себѣ будущія страданія или несчастія гораздо живѣе и интенсивнѣе, чѣмъ мужчина, и въ связи съ этимъ меньше огорчается, потерпѣвъ дѣйствительно неудачу, къ которой заранѣе успѣла въ мысляхъ приспособиться. Но перенесенныя эмоціи оставляютъ на женщинѣ слѣды и на будущее время, въ особености эмоціи непріятнаго характера, состоящія въ скорбныхъ чувствахъ [1]). Сильный аффектъ каждаго даннаго момента можетъ однако оттѣснить на задній планъ и такія настроенія. Чувство у женщины быстрѣе достигаетъ высшей точки и сразу проявляется въ рѣзкой степени. Поэтому женщины чаще мужчинъ бываютъ веселы и бодры, но чаще ихъ бываютъ и въ грустномъ, подавленномъ настроеніи; чаще проявляются у нихъ и быстрая смѣна настроеній; рѣже, чѣмъ мужчины, онѣ бываютъ спокойны и ровны. Въ особенности легко поддаются женщины чувству страха передъ непосредственной опасностью, что, вѣроятно, стоитъ въ связи и съ сознаніемъ меньшей физической силы. Весьма чувствительны женщины къ ироніи и насмѣшкѣ.

Женщина настолько живетъ чувствомъ, что она даже любитъ сильныя душевныя эмоціи и находитъ извѣстное наслажденіе въ страданіяхъ своихъ и чужихъ. Будучи въ общемъ гораздо сострадательнѣе мужчины, женщина въ то же время часто обнаруживаетъ наклонность къ жестокости и способна наслаждаться зрѣлищемъ страданія. Во всѣ времена исторіи женщины въ большомъ количествѣ посѣщали кровавыя зрѣлища, въ родѣ гладіаторскихъ игръ, казней, боя быковъ. Женщина любитъ запрещенное въ виду сильныхъ

---

[1]) Нѣкоторыя данныя по этому вопросу см. въ книгѣ *A. Kowalewski*, Studien zur Psychologie des Pessimismus (1904), стр. 69 и 102—114; вполнѣ опредѣленныхъ выводовъ изъ этихъ данныхъ для сравнительной психологіи половъ сдѣлать нельзя.

эмоцій, связанныхъ съ его достиженіемъ (ибсеновская „Дочь моря").

Эмоціональность женщины приводитъ къ весьма характерному для нея свойству: большей, сравнительно съ мужчиной, *узости сознанія*. Интересъ женщины направленъ всегда на нѣчто, задѣвающее ея чувство, и потому предметъ ея интереса въ каждый данный моментъ обыкновенно вытѣсняетъ собою изъ сознанія всѣ другія содержанія. Вотъ почему женщина въ каждый моментъ можетъ быть сосредоточена лишь на чемъ-нибудь одномъ и, отвлекаясь въ сторону, вынуждена совсѣмъ оставить то, чѣмъ она занималась до отвлеченія. Такое суженіе сознанія характерно не только для женщинъ, но вообще для эмоціональныхъ людей [1]). Въ патологическомъ проявленіи оно доходитъ до явленій анестезіи, которыми характеризуется истерія, болѣзнь, преимущественно свойственная женщинамъ. Въ связи съ этимъ свойствомъ женщина оказывается въ большей степени доступна внушеніямъ; внушаемость развивается на той почвѣ, что извѣстное представленіе способно на время съ большой силой захватить все сознаніе женщины и безпрепятственно проявлять свое дѣйствіе на волю, заграждая доступъ въ сознаніе другимъ представленіямъ. Этимъ объясняются и моментальныя смѣны настроеній, характерныя для женщинъ; напримѣръ, на длинной прогулкѣ пѣшкомъ женщина способна долгое время совсѣмъ не замѣчать усталости, чтобы затѣмъ сразу объявить о своемъ полномъ изнеможеніи.

Въ волевой сферѣ эмоціональность женщинъ сказывается въ присущей имъ импульсивности. Среди женщинъ мало спокойныхъ и всесторонне разсудительныхъ натуръ. Преобладаютъ женщины, склонныя слѣдовать въ своихъ поступкахъ всякимъ измѣненіямъ окружающей среды и импуль-

---

[1]) Весьма возможно, что узость сознанія вознаграждается болѣе *быстрымъ ритмомъ* психической жизни у женщинъ. Въ быстротѣ ритма видитъ отличительную черту женской психики, напр., Астафьевъ (въ указ. книгѣ). Геймансъ этого вопроса не касается.

сивно превращать каждый возникающій въ сознаніи мотивъ въ дѣйствіе. Женщины склонны къ фанатизму: среди нихъ въ большемъ процентѣ всегда представлены крайнія теченія политической, религіозной, нравственной жизни, чѣмъ среди мужчинъ. Каждому дѣлу онѣ отдаются съ большимъ жаромъ и влагаютъ въ него больше сердца, чѣмъ мужчины, если только это дѣло затронуло ихъ чувство. Именно въ силу этого своего свойства женщины, въ общемъ, не умѣютъ экономно распредѣлять свое время. Увлекаясь тѣмъ или другимъ занятіемъ, онѣ не различаютъ существеннаго и несущественнаго и забываютъ о времени. Геймансъ увѣряетъ, что если типичная женщина куда-нибудь собирается, то она никогда къ сроку не можетъ покончить съ процессомъ одѣванія; и напрасно мужчина будетъ ее просить начинать свои сборы на нѣсколько минутъ раньше: это ни къ чему не приведетъ, такъ какъ запаздываніе вызывается тѣмъ, что женщина, погруженная въ свой туалетъ, не замѣчаетъ теченія времени. Когда дамы прощаются, то онѣ иногда способны долгое время простоять въ передней за какимъ-нибудь разговоромъ, тема для котораго пришла въ голову въ самый послѣдній моментъ и настолько завладѣла сознаніемъ, что заставила забыть о теченіи времени (199). Иногда какая-нибудь мелочь въ такой мѣрѣ заполняетъ вниманіе женщины, что способна весьма существенно и на долгое время измѣнить ея настроеніе.

2. *Фантазія.* Женщины въ общемъ обладаютъ болѣе богатой и живой фантазіей, чѣмъ мужчины. Это свойство стоитъ въ тѣсной связи съ эмоціональностью (94, 133). Женщинъ вообще часто приходится сближать съ артистами [1]). Школьныя работы дѣвочекъ отличаются въ гораздо большей степени присутствіемъ фантазіи, чѣмъ работы мальчиковъ. Женщины превосходятъ мужчинъ въ умѣніи разсказывать ими самими выдуманныя исторіи. Онѣ гораздо

---

[1]) Ср. объ эмоціональности артистовъ и о значеніи подсознательной сферы въ ихъ жизни *Jastrow*, La subconscience (1908), стр. 329 сл.

словоохотливѣе мужчинъ [1]) и легче находятъ подходящія слова и выраженія.

Фантазія очень помогаетъ женщинѣ все преувеличивать. Поэтому женщинѣ труднѣе, чѣмъ мужчинѣ, дать вполнѣ надежное показаніе о какомъ-либо событіи. Она легко волнуется по поводу мелочей, которыя въ ея фантазіи быстро превращаются въ весьма серьезныя вещи. Хорошо описываетъ подобные процессы женской психики Гроссъ. „Исторіи въ романахъ и юмористическихъ листкахъ, гдѣ женщина непосредственно вслѣдъ за отказомъ въ новомъ пальто начинаетъ горько плакать, являются баснями. На самомъ дѣлѣ въ подобномъ случаѣ происходитъ слѣдующее: она огорчается тѣмъ, что онъ ей отказалъ въ новомъ пальто; къ этому сейчасъ же присоединяется мысль о томъ, что недавно онъ отказалъ ей въ платьѣ, а какъ-то еще и въ посѣщеніи театра, что онъ въ подобномъ случаѣ обошелся съ ней неласково и началъ глядѣть въ окно, что въ сущности она достойная всякой жалости, непонятая, безгранично несчастная женщина; послѣ этого crescendo, которое часто разыгрывается presto prestissimo, разражается уже потокъ слезъ“ (253).

Женщина любитъ все таинственное, мистическое. „Таинственное, темное, непонятное возбуждаетъ у типическаго мужчины прежде всего и главнымъ образомъ интеллектуальныя функціи, у типической женщины, напротивъ, функ-

---

[1]) Словоохотливость женщинъ стоитъ въ тѣсной связи съ ихъ эмоціональностью. Женщина вообще сильнѣе чувствуетъ потребность въ общеніи; она обыкновенно не можетъ долго пребывать въ одиночествѣ и держать про себя то, что ее волнуетъ; она ищетъ сочувствующихъ душъ. Разговоры женщинъ почти всегда окрашены чувствомъ и нерѣдко являются для нихъ не средствомъ, но самоцѣлью: разговоромъ женщина удовлетворяетъ свои эмоціональныя потребности (225). Въ связи съ конкретностью мышленія женщины чаще говорятъ о лицахъ, чѣмъ о предметахъ по существу (157). Онѣ легко подогрѣваются самымъ процессомъ спора, увлекаются чувствомъ симпатіи къ защищаемой идеѣ и благодаря этому становятся пристрастными (162, 165). Онѣ начинаютъ чувствовать своего рода жалость къ воззрѣнію, на которое кто-либо нападаетъ, и считаютъ своимъ долгомъ за него заступиться (166).

ціи чувства и фантазіи; мужчина пытается разложить это явленіе, свести къ его факторамъ, включить во всеобщую связь дѣйствительности; женщина молчитъ, поглощенная чувствами благоговѣнія, нравственнаго подъема, надежды, можетъ быть, даже содроганія и страха, которыя ей внушаетъ явленіе, и находитъ въ немъ желанное убѣжище, куда она можетъ укрыться со своими грезами изъ скучной дѣйствительности" (82). Поэтому въ женщинѣ сильно развито религіозное чувство, но она очень склонна и ко всякаго рода суевѣріямъ. Благодаря своей эмоціональности, однако, женщина, разочаровавшаяся въ привлекавшей ее тайнѣ, весьма быстро можетъ перейти и къ полному отрицанію и невѣрію. Какъ выражается Маріонъ, она страстна, мистична и пламенно вѣритъ вплоть до невѣрія (82).

3. *Конкретность мышленія.* Чувство гораздо легче присоединяется къ конкретнымъ представленіямъ, нежели къ абстрактнымъ понятіямъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эмоціональная по природѣ женщина любитъ все единичное, сложное, жизненное и отличается сравнительно слабымъ интересомъ къ абстракціямъ. Женщина далеко не въ такой степени, какъ мужчина, воодушевляется общими понятіями, каковы: право, свобода, равенство, прогрессъ, хотя она, конечно, не слабѣе мужчины будетъ реагировать на отдѣльные конкретные случаи, когда нарушаются индивидуальныя права или свободы. Ея патріотизмъ также носитъ не абстрактную форму, но выражается въ поклоненіи какому-нибудь конкретному представителю соотвѣтственной идеи, напримѣръ, правящему лицу или вождю партіи. Вообще, такъ наз. интеллектуальныя чувства имѣютъ для средней женщины меньше значенія, чѣмъ для средняго мужчины. Тоже самое относится и къ эстетическимъ чувствамъ: хотя женщины чувствуютъ красоту не меньше мужчинъ, но эстетическое чувство не выступаетъ у нихъ въ той абстрактной формѣ, въ какой оно требуется, напримѣръ, для чисто эстетической критики; къ нему всегда примѣшивается интересъ къ

другимъ признакамъ воспринимаемаго представленія, которые уже не имѣютъ эстетическаго характера, и это портитъ чистоту ихъ сужденій въ области прекраснаго (82—84).

Этимъ свойствомъ женщины Геймансъ объясняетъ тотъ фактъ, что женщина всегда оказывалась мало продуктивной въ области отвлеченной науки, даже въ такія эпохи, когда женщины пользовались совершенно свободнымъ доступомъ къ научнымъ занятіямъ и даже на университетскія каѳедры, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ Италіи эпохи возрожденія [1]). Дѣло въ томъ, что женщину мало привлекаютъ абстрактныя построенія, а именно они-то и составляютъ самую сущность научнаго изслѣдованія. „Единичный конкретный фактъ привлекаетъ къ себѣ весь интересъ и все вниманіе; а то, что этотъ фактъ имѣетъ общаго съ другими случаями и что дѣлаетъ его пригоднымъ стать связующимъ пунктомъ для теоретическаго изслѣдованія, оставляетъ женщину равнодушной и само по себѣ не принимается во вниманіе“ (150). Поэтому, несмотря на большее прилежаніе, большую добросовѣстность и лучшіе, въ общемъ, результаты экзаменовъ, женщины, по окончаніи высшей школы, рѣдко обнаруживаютъ научную продуктивность, мало дали изъ своей среды научныхъ работниковъ, да и тѣ, которыхъ онѣ дали, не занимаютъ мѣстъ первоклассныхъ. Для женщины научныя занятія рѣдко являются самоцѣлью. Въ работѣ съ абстракціями типическая женщина чувствуетъ себя выбитой изъ своей природной сферы. „Конечно, молодая женщина, какъ иногда и молодой мужчина, можетъ чувствовать себя призванной къ какимъ-нибудь научнымъ занятіямъ, такъ какъ она интересуется предметами, къ которымъ относятся эти занятія, напримѣръ, призванной къ ботаникѣ, такъ какъ она любитъ цвѣты, или къ исторіи, такъ какъ она чувствуетъ влеченіе къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ или эпохамъ. Но оба вскорѣ убѣжда-

---

[1]) См. *M. Lipinska*, Histoire des femmes médecins (1900), стр. 145—157. Ср. обширный матеріалъ въ книгѣ *Rebière*, Les femmes dans la science (1897).

Библиотека Академии Наук

ются въ томъ, что строгая научная работа лишь въ исключительныхъ случаяхъ даетъ пищу этимъ чувствамъ; въ то время, однако, какъ молодой мужчина часто находитъ достаточное или болѣе чѣмъ достаточное вознагражденіе въ интеллектуальномъ удовлетвореніи, которое даетъ ему эта работа, молодая женщина чувствуетъ себя весьма разочарованной и не можетъ выработать въ себѣ настоящаго интереса къ новымъ занятіямъ" (144). Чувство долга, самолюбіе, практическій расчетъ не позволяютъ бросить научныя занятія, но продуктивной въ наукѣ такая женщина стать не можетъ за отсутствіемъ необходимаго живого интереса къ абстрактной работѣ. То же самое относится къ такимъ искусствамъ, которыя не допускаютъ полнаго завладѣнія сознаніемъ со стороны подлежащихъ чувствованій, которыя требуютъ отъ художника извѣстнаго раздвоенія: съ одной стороны, сильныхъ эмоцій, съ другой стороны—ихъ объективированія. Женщина, при присущей ей большей цѣльности натуры, о которой рѣчь будетъ ниже, именно къ такому раздвоенію мало способна. Получается слѣдующій общій выводъ. „Рѣдкость женскихъ геніевъ въ наукѣ и техникѣ и, быть можетъ, въ искусствѣ менѣе покоится на отсутствіи надлежащихъ интеллектуальныхъ способностей, чѣмъ на отсутствіи соотвѣтственныхъ склонностей, менѣе на невозможности, чѣмъ на нехотѣніи. Ко всѣмъ этимъ областямъ примѣнимо то, что Лотце говоритъ по отношенію къ первой изъ нихъ: „едва ли существуетъ что-либо, чего не могъ бы понять женскій интеллектъ, но есть много такого, чѣмъ женщины никогда не могутъ выучиться интересоваться" (152—3). Между тѣмъ, при эмоціональности женской натуры, именно непосредственный интересъ, возбуждаемый предметомъ, получаетъ особо важное значеніе. „Удивительно,—говоритъ Геймансъ по поводу женской памяти,—какъ много совершенно простыхъ, сто разъ слышанныхъ вещей женщины не могутъ запомнить просто потому, что эти вещи ихъ не интересуютъ. Классическимъ примѣромъ этого служатъ постоянно правила

орѳографіи: женщины въ юности такъ же твердо усвоили ихъ, какъ мужчины; въ дальнѣйшемъ теченіи своей жизни онѣ читаютъ и пишутъ не меньше, чѣмъ послѣдніе; и однако обнаруживается, что и высокообразованныя женщины по отношенію къ нимъ постоянно чувствуютъ себя неувѣренными, дѣлаютъ погрѣшности и не замѣчаютъ таковыхъ у другихъ. Вѣроятно, дѣло обстоитъ такъ, что при чтеніи и письмѣ онѣ въ общемъ гораздо интенсивнѣе, чѣмъ мужчины, сосредоточиваются на содержаніи и, вслѣдствіе этого, для словесной формы у нихъ остается лишь минимальная доля психической энергіи" (91). Жизнь даетъ подобные примѣры въ изобиліи. Есть женщины, которыя утверждаютъ, что онѣ никакъ не могутъ разобраться въ желѣзнодорожномъ путеводителѣ; есть такія, которыя при прогулкахъ пѣшкомъ не могутъ выучиться обращаться съ компасомъ; нѣкоторыя не въ состояніи утвердиться въ самыхъ основныхъ линіяхъ исторической хронологіи и постоянно находятся въ неувѣренности о томъ, жилъ ли Наполеонъ до крестовыхъ походовъ или послѣ нихъ (92).

Зато женщина сильна въ тѣхъ областяхъ творчества, гдѣ человѣкъ можетъ свободно отдаваться чувству. Поэтому онѣ всегда выдѣлялись въ области драматическаго искусства; давно отмѣчено, что во всѣ времена было больше знаменитыхъ артистокъ, чѣмъ артистовъ, и женскій геній здѣсь стоитъ не ниже, если не выше мужского. Далѣе, женщины успѣшно справляются съ нѣкоторыми родами беллетристики, какъ, напримѣръ, съ романомъ, въ особенности, когда дѣло касается характеристики сложной игры тонко нюансированныхъ движеній чувства, а также даютъ много интереснаго въ своихъ письмахъ. Прибавлю къ этому всю область лирики, о которой почему-то Геймансъ совсѣмъ не упоминаетъ, хотя здѣсь женскія имена извѣстны уже съ античной древности.

Но наиболѣе широкая сфера примѣненія женскаго генія— это практическая жизнь и разрѣшеніе запутанныхъ конкретныхъ положеній. Здѣсь обнаруживается тотъ извѣстный

женскій тактъ, который даетъ возможность женщинѣ часто безъ всякихъ логическихъ разсужденій, такъ сказать, чувствовать истину лучше мужчины. Мнѣ всегда по этому поводу припоминается та характеристика, которую безхитростная Маргарита даетъ Мефистофелю; она не можетъ привести никакихъ аргументовъ, но ясно чувствуетъ присутствіе духа зла. Фаустъ такого чувства не испытываетъ. Онъ ограничивается тѣмъ, что называютъ Маргариту „ahnungsvoller Engel“. Геймансъ приводитъ рядъ примѣровъ, когда женщины обнаруживаютъ въ жизни удивительный даръ *дивинаціи;* не разсуждая и не ломая себѣ головы, онѣ ясно понимаютъ то, что не дается мужскому пониманію. „Мы развили, напримѣръ, тяжеловѣсную теорію, которая нашла у нашихъ сотоварищей по полу отчасти заслуженное признаніе, отчасти предвидѣнныя и потому легко опровержимыя возраженія; вдругъ вмѣшивается слушательница и дѣлаетъ краткое замѣчаніе, ставитъ робкій вопросъ, указываетъ на простой фактъ, о которомъ мы и не подумали, и который заставляетъ насъ подвергнуть основательной провѣркѣ наше такъ красиво законченное доказательство. Или мы начали съ мало намъ знакомой дамой разговоръ на нѣсколько скользкую тему; мы чувствуемъ себя неловко и безпомощно, съ трудомъ отыскиваемъ подходящія слова, сбиваемся и путаемся; она, напротивъ, говоритъ просто и естественно, не ищетъ, и однако не говоритъ ни одного слова, котораго не слѣдовало бы сказать. Или мы куда-то засунули книгу и полчаса ее разыскиваемъ безъ всякаго разультата; наконецъ, мы зовемъ на помощь нашу жену, которая, хотя едва знаетъ книгу по внѣшности, находитъ ее черезъ нѣсколько минутъ. Или, наконецъ, сужденіе женщины о какомъ-либо нашемъ знакомомъ значительно отклоняется отъ нашего; мы приводимъ основанія, она — никакихъ или почти никакихъ; однако, позднѣйшій опытъ подтверждаетъ ея мнѣніе“ (159—160).

Благодаря конкретности мысли, женщина не увлекается отвлеченными идеями долга, справедливости. Ей не свой-

ственъ холодный юридическій анализъ живой дѣйствительности. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы самый фактъ долга не имѣлъ значенія для женщины или чтобы она была органически несправедлива. Нравственный долгъ выражается у нея не въ логически выведенныхъ принципахъ, но въ живомъ чувствѣ. Справедливость у нея не формальная, но по существу. Женщина никогда не пойметъ значенія тѣхъ формальныхъ правонарушеній, которыя не приносятъ никому матеріальнаго вреда и наказуются только для поддержанія авторитета закона. Она и въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ интуитивно, не примѣняя опредѣленныхъ принциповъ, но проникая во всѣ особенности конкретнаго случая. Такимъ образомъ, женщины живутъ по своему собственному праву, праву неформальному, которое весьма часто расходится съ мужскимъ.

Въ связи съ конкретностью мысли стоитъ еще одна любопытная особенность женской психики, обнаруженная анкетами и экспериментами, а именно: преобладаніе у женщинъ *ассоціацій по смежности* надъ ассоціаціями по сходству. Дѣло въ томъ, что, по объясненію Гейманса, ассоціація по сходству всегда предполагаетъ нѣкоторый процессъ абстрагированія, такъ какъ основана на связи двухъ различныхъ представленій въ какомъ-либо сходномъ элементѣ. Такія ассоціаціи мало свойственны женщинѣ, не склонной къ абстракціи. Этимъ Геймансъ объясняетъ и тотъ фактъ, что женщины въ общемъ мало склонны къ шуткѣ, къ остротамъ. Остроуміе основано именно на примѣненіи ассоціацій по сходству. Сверхъ того, эмоціональная натура женщины заставляетъ ее ко всему относиться слишкомъ серьезно; она часто смотритъ на вещи слишкомъ съ трагической стороны, и это также составляетъ условіе не благопріятное для развитія остроумія (92—4; 170—2).

4. *Преобладаніе подсознательной сферы.* Эта странная и непонятная для насъ, мужчинъ, интуиція женщинъ объясняется, по Геймансу, тѣмъ, что у женщинъ гораздо большую роль играютъ процессы, протекающіе въ подсозна-

тельной сферѣ, чѣмъ у мужчинъ. Несомнѣнно, что психологическіе законы мышленія у женщинъ тѣ же, что у мужчинъ. Но въ то время какъ у мужчины значительная часть процесса мышленія протекаетъ въ сознательной области и подлежитъ сознательному логическому контролю, у женщины часто весь мыслительный процессъ протекаетъ въ подсознательной сферѣ и въ сознаніе вступаетъ одинъ готовый результатъ. Вотъ почему женщины такъ не любятъ аргументировать и обыкновенно слабо воспринимаютъ аргументы, идущіе въ разрѣзъ съ сложившимся уже у нихъ убѣжденіемъ. Такого рода мышленіе имѣетъ свои преимущества и свои недостатки [1]). Преимущества его состоятъ въ томъ, что при такомъ процессѣ результатъ можетъ получиться болѣе всесторонній, болѣе охватывающій подлежащій сужденію матеріалъ, чѣмъ при мышленіи вполнѣ сознательномъ. Дѣло въ томъ, что въ подсознательной сферѣ разныя представленія могутъ принять участіе въ процессѣ, не мѣшая другъ другу; это—сфера достаточно для этого широкая. Если же обсужденіе идетъ вполнѣ сознательно, то тѣ представленія, которыя попали въ сферу сознанія, тѣмъ самымъ получаютъ преобладаніе надъ тѣми, которыя не вышли изъ подсознательной сферы. Рѣшеніе складывается подъ преимущественнымъ вліяніемъ первыхъ и съ ущербомъ для вторыхъ. Но характерный для типической женщины процессъ мышленія сопряженъ и съ важнымъ недостаткомъ, состоящимъ именно въ томъ, что онъ не подлежитъ сознательному логическому контролю. Женщина выноситъ свое рѣшеніе, плохо отдавая себѣ отчетъ въ его логическихъ основаніяхъ. Поэтому она обыкновенно не въ состояніи хорошо аргументировать въ его защиту; она приводитъ первое попавшееся основаніе или же никакого не приводитъ и все-таки твердо вѣритъ въ свою правоту. Между тѣмъ бываютъ случаи, когда она жестоко ошибается въ своихъ заключеніяхъ. Это случается съ ней, во-

---

1) Ср. къ послѣдующему также *Meumann*, цит. соч. 240 ст.

первыхъ, когда приходится разсуждать о чемъ-нибудь новомъ и необычномъ. Къ такимъ положеніямъ мужчина легче приспособляется своимъ логическимъ сознательно контролируемымъ мышленіемъ. Во-вторыхъ, опасность грозитъ женщинѣ, если она думаетъ о томъ, что ее волнуетъ или чего она желаетъ. Не контролируемые сознаніемъ элементы, окрашенные чувствомъ, легко берутъ верхъ надъ остальными, и женщина выноситъ пристрастное рѣшеніе, провѣрить которое ей при такомъ способѣ мышленія очень трудно. Пренебреженіе къ логическому анализу въ подобныхъ случаяхъ мститъ за себя.

Въ связи съ этимъ стоитъ и вопросъ о волевыхъ актахъ. Тотъ выборъ между различными мотивами, отъ котораго часто зависитъ волевое рѣшеніе, у женщины также происходитъ по преимуществу въ подсознательной сферѣ. Поэтому и здѣсь женщина поступаетъ правильно и съ большимъ тактомъ, когда она спокойна и дѣйствуетъ въ привычной обстановкѣ, и можетъ быть весьма партійной и пристрастной, можетъ дѣлать весьма необдуманные шаги, когда она взволнована и поддается чувству.

5. *Единство женской психики.* Геймансъ вполнѣ присоединяется къ утвержденію Зиммеля, что существо женщины въ каждый данный моментъ болѣе гармонично, чѣмъ существо мужчины, отличается большимъ единствомъ и цѣльностью. Женщина гораздо лучше мужчины приспособляетъ все свое существо къ измѣнившимся состояніямъ жизни, тогда какъ у мужчины рѣзкія измѣненія обстановки создаютъ часто внутреннее раздвоеніе, выражающееся въ трагическихъ или комическихъ контрастахъ духовныхъ теченій. Женщинѣ гораздо менѣе, чѣмъ мужчинѣ, знакомо состояніе Фауста, у котораго живутъ въ груди двѣ души. Даже къ весьма неопредѣленнымъ, переходнымъ состояніямъ, какимъ является, напримѣръ, состояніе невѣсты, женщина легко приспособляется, находитъ извѣстную прелесть именно въ неопредѣленности положенія и съ сожалѣніемъ съ нимъ разстается. На этомъ единствѣ духовной жизни покоится

и извѣстная женская грація; это свойство избавляетъ женщину отъ тѣхъ угловатостей и противорѣчій, которыми отличается часто поведеніе мужчины, въ гораздо большей степени дифференцированнаго.

Единство женской психики въ каждый данный моментъ стоитъ, конечно, въ тѣснѣйшей связи съ ея эмоціональностью, приводящей къ суженію сознанія. Доминирующія въ каждый данный моментъ теченія въ большей или меньшей степени вытѣсняютъ всѣ съ ними несогласныя и тѣмъ приводятъ къ большей гармоніи внутренняго настроенія. Но та же эмоціональность приводитъ и къ тому, что женщина, болѣе единая въ каждый данный моментъ, гораздо легче мѣняется въ послѣдовательности времени. Контрастныя теченія всегда присутствуютъ и въ женской психикѣ. Въ каждый данный моментъ они вытѣсняются изъ сознанія теченіями доминирующими. Но если какое-нибудь обстоятельство нарушитъ это равновѣсіе и откроетъ благопріятную почву для противоположныхъ тенденцій, то онѣ могутъ съ той же силой на болѣе или менѣе продолжительное время завладѣть женской душой и привести женщину въ иное душевное состояніе. Женщина легче мужчины приспособляется къ новымъ обстоятельствамъ, какъ это было отмѣчено выше, и потому оказывается въ этихъ обстоятельствахъ гармоничнѣе мужчины. Но вѣдь это значитъ, съ другой стороны, что женщина легче мужчины кореннымъ образомъ порываетъ съ прошлымъ и забываетъ свои прежніе навыки и традиціи. Дѣвушка можетъ долго колебаться въ рѣшеніи вопроса, любитъ ли она своего поклонника или нѣтъ. Часто незначительное обстоятельство заставляетъ ее принять утвердительное рѣшеніе, и съ этого момента она всей душой принадлежитъ своему жениху.

Это свойство женщины выражается, по мнѣнію Гейманса, и въ томъ, что женщина очень любитъ порядокъ въ окружающей ее мѣстной, пространственной обстановкѣ. Но она гораздо менѣе мужчины придаетъ значеніе порядку и ме-

тодичности во времени. Вошедшая въ поговорку ненадежность женскаго нрава относится именно къ этимъ характернымъ для женщины рѣзкимъ перемѣнамъ настроенія во времени [1]).

6. *Нравственная чистота.* Съ точки зрѣнія воли женщина отличается той особенностью, что на нее сильнѣе дѣйствуютъ какъ мелочи, такъ и относительно крупные мотивы, поэтому она оказывается не менѣе твердой, чѣмъ мужчина, а иногда—въ крупныхъ дѣлахъ, особенно захватывающихъ ея чувство—и болѣе твердой, чѣмъ мужчина; но зато иногда она является очень слабой въ мелочахъ жизни, которымъ придаетъ преувеличенное значеніе. Женщины, по единогласному заявленію врачей и хирурговъ, обыкновенно съ большей стойкостью переносятъ боль и страданія, проявляютъ мужество и терпѣніе у постели больного, но въ то же время легко теряютъ самообладаніе при видѣ паука или мыши, при морской качкѣ и т. п. „Гдѣ налицо крупные мотивы, они настолько занимаютъ все сознаніе, что мелкіе мотивы на продолжительное время вытѣсняются; но гдѣ отсутствуютъ крупные мотивы, тамъ мелкіе моментально могутъ пріобрѣсти такую окраску со стороны чувства, что разрѣшаются въ необдуманномъ или неразумномъ дѣйствіи“ (209).

Въ общемъ у женщинъ отмѣчается гораздо большее развитіе чувства долга, которое заставляетъ ихъ добросовѣстно выполнять самыя скучныя и непріятныя работы. Хотя эмоціональность обыкновенно является обстоятельствомъ неблагопріятнымъ для активности, тѣмъ не менѣе Геймансъ приходитъ къ выводу, что женщина въ общемъ активнѣе мужчины. Она постоянно чѣмъ-нибудь занята и не можетъ сидѣть безъ дѣла. Это свойство женщины, не гармонирующее съ ея общимъ эмоціональнымъ типомъ, Геймансъ склоненъ объяснять, во-первыхъ, особеннымъ характеромъ обычныхъ

[1]) Повидимому, и въ статистическомъ отношеніи женскій типъ ровнѣе мужского, меньше представляетъ уклоненій отъ нормы; напр., идіотизмъ среди мужчинъ встрѣчается чаще, чѣмъ среди женщинъ (112—3).

занятій женщинъ. Имъ приходится вести домашнее хозяйство, которое требуетъ отъ нихъ большихъ заботъ по мелочамъ, заставляетъ ихъ постоянно быть въ готовности распоряжаться, контролировать, самимъ работать. Страннымъ мнѣ кажется, что Геймансъ совсѣмъ не упоминаетъ по этому поводу материнства, которое вообще, мнѣ кажется, занимаетъ слишкомъ мало мѣста въ его характеристикѣ женской психики. Соціологическія наблюденія показываютъ, что именно материнство съ самаго начала эволюціи человѣчества дѣлаетъ женщину болѣе бдительной, предусмотрительной и заботливой, чѣмъ мужчина. Мужчина долго не беретъ на себя семейныхъ обязанностей и заботится только о самомъ себѣ. Напротивъ, женщина всегда выступаетъ въ роли защитницы и покровительницы своихъ дѣтей. Материнскія заботы играютъ особенно большую роль въ жизни некультурнаго общества, гдѣ самое кормленіе дѣтей матерью длится годами, въ виду отсутствія всякихъ способовъ искусственнаго вскармливанія. Вотъ почему у женщины очень рано начинаютъ вырабатываться тѣ навыки къ постоянному и систематическому труду, которыхъ долго не обнаруживается у мужчины, живущаго охотой, рыболовствомъ, войной и грабежомъ. Не даромъ соціологи считаютъ женщину изобрѣтательницей такого занятія, какъ земледѣліе[1]).

Второй причиной активности женщины Геймансъ считаетъ ея, въ общемъ, бо́льшую нравственную чистоту. Женщина отличается тѣмъ, что въ ея жизни гораздо меньшее мѣсто занимаютъ эгоистическія склонности, чѣмъ въ жизни мужчины, и въ болѣе сильной степени развиты наклонности альтруистическія. Любовь — преимущественное свойство женщины, матери и воспитательницы отъ природы. Даже такія мало симпатичныя свойства нѣкоторыхъ женщинъ, какъ деспотизмъ въ отношеніи къ окружающимъ ее лю-

---

[1]) См. напр. *Schurz*, Urgeschichte der Kultur (1900), стр. 124 сл. *Richard*, La femme dans l'histoire (1909), стр. 340 слл.

дямъ, получаютъ особую окраску подъ вліяніемъ присущаго женщинѣ альтруизма. Женскій деспотизмъ обыкновенно имѣетъ въ основѣ заботу о предметѣ, надъ которымъ женщина властвуетъ; но при этомъ женщина, вслѣдствіе узости сознанія, характеризующей ея психику, часто недостаточно вникаетъ въ особенности опекаемаго ею лица, мѣряетъ его своей личной мѣркой и предписываетъ ему поведеніе, ему мало свойственное (232—3).

Къ этому преобладанію альтруистическихъ тенденцій слѣдуетъ прибавить, что женщины умѣреннѣе мужчинъ въ своихъ тѣлесныхъ потребностяхъ, что у нихъ сильно развито чувство долга и справедливости, хотя принимаетъ иной оттѣнокъ, чѣмъ у мужчинъ, болѣе конкретный, и что по мѣрѣ ослабленія соціальнаго гнета и зависимости онѣ становятся и правдивѣе мужчинъ (256—7). Все это вмѣстѣ приводитъ Гейманса къ выводу, „что женщины менѣе заняты своими личными интересами и, напротивъ, серьезнѣе мужчинъ относятся къ чужимъ и вышестоящимъ интересамъ, короче, что онѣ нравственнѣе мужчинъ. Сводить эту болѣе высокую нравственность къ культурнымъ вліяніямъ, напримѣръ, къ долгому подчиненію и связанной съ этимъ необходимости къ воздержанію во многихъ отношеніяхъ, мнѣ кажется, говоритъ Геймансъ, неподходящимъ. Насколько я знаю, исторія никогда не учила тому, что рабство является лучшей школой для самоотрицанія, чѣмъ свобода, или что у порабощенныхъ народовъ развивается бо̀льшая вѣрность долгу, чѣмъ у свободныхъ. Наоборотъ, несомнѣнно, вѣковое подчиненіе женщины содѣйствовало тому, чтобы воспитать ее ко лжи и притворству; если, несмотря на это, теперь женщины, по обѣимъ нашимъ анкетамъ, правдивѣе и честнѣе мужчинъ, то ихъ природная склонность къ этимъ свойствамъ должна быть необыкновенно сильной. Что эта природная склонность, по крайней мѣрѣ отчасти, покоится на болѣе или менѣе сознательномъ отборѣ со стороны мужчинъ, выбирающихъ своихъ женъ, кажется мнѣ неподлежащимъ сомнѣнію“ (275).

Съ этимъ гармонируетъ и то, что женская преступность въ общемъ гораздо ниже мужской по статистическимъ даннымъ [1]). Конечно, этому способствуетъ то обстоятельство, что обычная обстановка женской жизни и дѣятельности создаетъ для женщины меньше соблазновъ къ преступленіямъ; но не безъ значительнаго вліянія остается здѣсь и бо̀льшая нравственная чистота женщинъ. Съ другой стороны не мѣшаетъ отмѣтить, что, въ силу извѣстнаго намъ бо́льшаго единства женской психики, женщина, ставшая на дорогу преступленія, и въ этомъ остается болѣе цѣльной; преступныя женщины часто совершаютъ дальнѣйшіе деликты безъ всякой цѣли и вообще рецидивы у нихъ замѣчаются чаще, чѣмъ у мужчинъ (212).

III.

Таковы важнѣйшія особенности женской психики. Возникаетъ вопросъ, каково ихъ *происхожденіе*. Значеніе этого

[1]) Она составляетъ около четверти или пятой доли мужской преступности. Безусловно неправильнымъ я считаю довольно обычное разсужденіе, будто бы женская преступность дополняется *проституціей*, почему ею нельзя пользоваться, какъ аргументомъ для доказательства болѣе высокаго нравственнаго уровня женщинъ. Дѣло въ томъ, что проституція составляетъ грѣхъ не столько женщины, которая отдаётся ей не подъ вліяніемъ влеченія къ этой профессіи, но подъ вліяніемъ тяжелыхъ соціальныхъ условій и притомъ отдается въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ еще далеко не сложился, сколько мужчины, который сознательно пользуется такимъ положеніемъ женщины для удовлетворенія своей грубой чувственности. Проститутку уже потому нельзя приравнивать къ преступнику, что преступникъ нападаетъ на другихъ лицъ или на все общество, а проститутка идетъ, въ сущности, только противъ себя самой, какъ нравственной личности, посягаетъ на собственное достоинство. Если даже вѣрно, что большинство преступниковъ—дегенераты такъ же, какъ и большинство проститутокъ, то съ точки зрѣнія моральной оцѣнки результаты дегенеративности далеко неодинаковы въ томъ и другомъ случаѣ. Когда мужчины ставятъ женщинѣ въ вину проституцію, то, думается мнѣ, они должны бы были серьезно подумать о томъ, не стоитъ ли дѣло какъ разъ въ обратномъ положеніи: женская проституція не столько омрачаетъ нравственный обликъ женщины, становящейся ея жертвой, сколько кладетъ тяжелое пятно на мужчину, вовлекающаго женщину въ это бѣдственное для нея положеніе. Такъ поставленъ этотъ вопросъ, напримѣръ, въ „Воскресеніи“ Толстого. Не мѣшаетъ каждому, разсуждающему о проституціи, воскрешать въ памяти и созданную Достоевскимъ яркую фигуру Сонечки Мармеладовой.

вопроса состоитъ въ томъ, что отъ происхожденія указанныхъ свойствъ зависитъ и степень ихъ прочности и постоянства.

Въ этомъ отношеніи голоса изслѣдователей очень раздѣляются. Геймансъ сводитъ всѣ существующія теоріи къ тремъ основнымъ типамъ. 1) Теорія онтогенетическая. Ея сторонники утверждаютъ, что мужчины и женщины рождаются съ одинаковыми психическими задатками и дифференцируются только въ теченіе жизни подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ воспитаніе, образъ жизни и давленіе общественнаго мнѣнія. Такъ у Милля мы читаемъ (Логика, пер. Ивановскаго, стр. 701): „между мужчинами и женщинами замѣчаютъ (или предполагаютъ) большое количество различій въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ; но со временемъ— и, можно надѣяться, въ неособенно далекомъ будущемъ—одинаковая свобода и одинаково независимое общественное положеніе будутъ удѣломъ обоихъ половъ и различія въ ихъ характерѣ либо исчезнутъ, либо совершенно измѣнятся". Однако, такой взглядъ едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ. Во-первыхъ, даваемое женщинѣ воспитаніе вовсе не направлено къ тому, чтобы развивать именно тѣ свойства, которыя особенно характерны для женщины. Такъ, едва ли воспитатели заботятся именно о созданіи большей эмоціональности въ дѣвочкахъ или о томъ, чтобы сдѣлать ихъ трудолюбивѣе и добросовѣстнѣе мальчиковъ; тѣмъ не менѣе эти черты проявляются въ типической женщинѣ. Геймансъ склоненъ даже утверждать, что современная культура въ общемъ гораздо болѣе разсчитана на мужчину, чѣмъ на женщину, а потому и созданный ею идеалъ воспитанія идетъ скорѣе противъ присущихъ женщинѣ свойствъ, нежели въ сторону ихъ развитія. Далѣе, имѣется рядъ фактовъ, которые показываютъ, что психическія различія половъ стоятъ въ связи и съ наслѣдственностью. Геймансъ утверждаетъ, что свойства дочерей преимущественно опредѣляются свойствами матерей, а характеръ сыновей въ

бо̀льшей степени зависитъ отъ свойствъ отца. Онъ доказываетъ это положеніе данными своей анкеты наслѣдственности. Сверхъ того, есть свойства, которыя вообще чаще передаются отъ обоихъ родителей либо дочерямъ, либо сыновьямъ, и которыя, такимъ образомъ, стоятъ въ явной связи съ различіемъ пола. Спеціально мужскія свойства чаще встрѣчаются у сыновей, чѣмъ у дочерей, даже въ такихъ семьяхъ, гдѣ они отсутствуютъ у отца, и точно также спеціально женскія свойства въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ они отсутствуютъ у матерей, чаще встрѣчаются у дочерей, чѣмъ у сыновей.

Приходится поэтому прибѣгнуть къ другимъ теоріямъ. Таковыми являются: 2) Филогенетическая теорія, которая полагаетъ, что женщинамъ привиты ихъ характерныя свойства общественными состояніями предшествующихъ столѣтій или тысячелѣтій, и 3) соматическая теорія, которая ставитъ психическія особенности въ связь и зависимость отъ тѣлесныхъ различій.

Представители филогенетической теоріи ссылаются обыкновенно на материнство и на вѣковое подчиненіе женщины, какъ на главные факторы того процесса, который развилъ въ женщинахъ ихъ характерныя особенности. По этому поводу Геймансъ замѣчаетъ, что едва ли такое свойство, какъ эмоціональность, могло быть развито соціальнымъ гнетомъ. Конечно, можно доказывать, что именно благодаря своему подчиненному положенію и заботамъ, связаннымъ съ материнствомъ, женщина стала сильнѣе чувствовать. Но съ такимъ же правомъ можно было бы доказывать и обратное, а именно, что такое положеніе, заставляя женщинъ постоянно страдать и волноваться, должно было притупить чувствительность женщинъ. Однимъ словомъ, эти факторы въ сущности ничего не объясняютъ. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что общественное положеніе женщины, во всякомъ случаѣ, не есть еще послѣдняя причина, что и оно должно же было имѣть свои причины. Если женщины съ самаго начала мало чѣмъ отли-

чались отъ мужчинъ, то почему же онѣ были ими подчинены? Недостаточна ссылка на одну только физическую слабость; вѣдь и многія животныя физически сильнѣе человѣка; однако они не подчиняютъ его себѣ. Культура могла многое видоизмѣнить въ женской психикѣ, но не могла ее создать цѣликомъ.

Тѣмъ не менѣе, Геймансъ не рѣшается высказать свое окончательное мнѣніе по этому вопросу и примкнуть, напримѣръ, всецѣло къ соматической теоріи. Онъ указываетъ только въ заключеніе своего изслѣдованія, что несомнѣнно въ развитіи особенностей женской психики большое значеніе долженъ былъ имѣть половой отборъ, такъ какъ въ размноженіи рода принимали участіе главнымъ образомъ тѣ женщины, которыя нравились мужчинамъ, и ихъ свойства укрѣплялись въ ихъ дочеряхъ. Равнымъ образомъ и женщины тѣмъ же путемъ вліяли на развитіе свойствъ, характерныхъ для мужской половины человѣческаго рода.

Какъ бы то ни было, Геймансъ склоненъ считать эмоціональность чрезвычайно укоренившимся, основнымъ свойствомъ женщины, которое стоитъ въ тѣсной связи со всей ея природой. Что же касается бо̀льшей активности женщины, которая проявляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и идетъ въ разрѣзъ съ ея эмоціональной натурой, то это свойство авторъ, какъ уже было сказано выше, выводитъ отчасти изъ культурныхъ условій, отчасти же изъ большей силы нравственнаго начала въ женщинѣ.

IV.

Мое изложеніе книги Гейманса закончено. Я не берусь высказывать вполнѣ опредѣленнаго сужденія по поводу его выводовъ, такъ какъ для этого слѣдовало бы произвести самому такую же работу, какую уже выполнилъ Геймансъ. Но такія изслѣдованія предполагаютъ спеціальную подготовку, которой я не располагаю, и вообще лежатъ слишкомъ далеко отъ круга моихъ обычныхъ занятій. Позволю себѣ только одно замѣчаніе. Мои личныя наблюденія надъ

женщинами и изученіе исторической роли женщинъ привели меня уже давно къ выводамъ, во многомъ и притомъ въ наиболѣе существенномъ довольно близкимъ къ выводамъ Гейманса [1]). Поэтому я въ общемъ склоненъ скорѣе вѣрить этимъ выводамъ, хотя, конечно, вполнѣ соглашаюсь съ самимъ Геймансомъ какъ въ томъ, что эти выводы нуждаются въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, такъ и въ томъ, что они, несомнѣнно, будутъ дополнены и исправлены дальнѣйшими изслѣдованіями.

Теперь же, отправляясь отъ положеній, высказанныхъ Геймансомъ, я хотѣлъ бы высказать нѣсколько общихъ соображеній по поводу этихъ данныхъ, если только признать ихъ болѣе или менѣе соотвѣтствующими истинѣ.

Какъ мнѣ кажется, изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ само собой одно общее заключеніе. Мужчина является въ человѣческомъ родѣ по преимуществу представителемъ сознательнаго логическаго мышленія и раціоналистическаго

---

[1]) Вотъ что я писалъ въ 1905 г. „Можно привести весьма почтенные авторитеты въ подкрѣпленіе той мысли, что по своимъ нравственнымъ свойствамъ женщины, въ общемъ, стоятъ не только не ниже, но даже выше мужчинъ, что онѣ болѣе обнаруживаютъ свѣтлыхъ сторонъ человѣческаго существа, нежели мужчины. Напомню всѣмъ извѣстные женскіе типы нашихъ писателей—Гончарова, Толстого, Тургенева, Достоевскаго. Далѣе приведу слѣдующее интересное наблюденіе Рёскина относительно Шекспира; онъ указываетъ, что въ драмахъ этого великаго знатока человѣческаго сердца почти не встрѣчается мужчинъ-героевъ; но едва ли найдется у него хоть одна пьеса, въ которой нѣтъ идеальной по своимъ моральнымъ свойствамъ женщины. Вспомните Корделію, Дездемону, Изабеллу, Герміону, королеву Катарину, Пердиту, Сильвію, Віолу, Розалинду, Виргилію. Далѣе, онъ обращаетъ вниманіе на то, что катастрофа каждой пьесы Шекспира причиняется почти всегда ошибкой или глупостью мужчины, а искупленіе, если таковое имѣется, является результатомъ добродѣтели или мудрости женщины. Подобныя же свойства поэзіи Ибсена заставляютъ нѣкоторыхъ называть его поэтомъ женщинъ. Гёте съ свойственной ему силой выраженія передалъ ту же мысль о нравственномъ превосходствѣ женщины въ заключительныхъ стихахъ своего „Фауста“: Das Ewig-Weibliche zieht uns hinan. По замѣчанію Куно Фишера, если въ первой части трагедіи мы имѣемъ комбинацію Фаустъ-Гретхенъ, то во второй части она смѣняется обратной комбинаціей: Гретхенъ-Фаустъ. Гретхенъ идетъ впереди и указываетъ Фаусту путь къ Богу“ (см. мою брошюру „Женщина наканунѣ новой эпохи“, изд. Путиловой, 1905 г., стр. 22-23).

познаванія міра. Руководясь въ общемъ гораздо болѣе, чѣмъ женщина, нормами сознательной логики, мужчина познаетъ міръ въ такой степени, въ какой міръ доступенъ самъ по себѣ логическому познанію. Но общій характеръ этого познанія состоитъ въ томъ, что оно способно охватывать только отдѣльныя стороны дѣйствительности, разлагать міръ на отдѣльные элементы и подвергать эти элементы сравнительному анализу. Такое познаніе никогда не даетъ намъ полной и живой картины, адэкватной дѣйствительности. Дѣйствительность настолько разнообразна и сложна, въ ней такъ много ирраціональныхъ элементовъ, что она никогда не можетъ быть исчерпана тѣми абстракціями, которыя создаются нашимъ анализирующимъ интеллектомъ. Какъ широко мы ни будемъ ставить процессъ абстрагированія, всегда будетъ получаться нѣкоторый ирраціональный остатокъ, не укладывающійся въ строгія логическія схемы. Какое бы большое число фактовъ, полученныхъ изъ наблюденій и эксперимента, мы ни полагали въ основу нашего научнаго знанія о мірѣ, все же міръ будетъ представляться въ научномъ освѣщеніи не какъ единый, связный и сложный процессъ, но какъ мозаика отдѣльныхъ кусковъ, которые при самомъ тщательномъ ихъ скрѣпленіи не даютъ намъ цѣльнаго впечатлѣнія. Однимъ словомъ, логическое мышленіе много намъ уясняетъ въ отдѣльныхъ сторонахъ міра, но оно не вводитъ насъ въ самое существо міра въ его цѣломъ; нашъ логическій разумъ водитъ насъ вокругъ явленій, даетъ намъ возможность дѣлать съ нихъ снимки съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ положеніяхъ, но не проникаетъ внутрь явленій, въ самое ихъ существо.

Между тѣмъ есть вопросы, для разрѣшенія которыхъ требуется именно такое проникновеніе въ самое существо вещей, и притомъ это—вопросы наиболѣе для насъ важные. Наука даетъ намъ массу средствъ господствовать надъ окружающимъ міромъ. Всѣ тѣ стороны дѣйствительности, которыя достаточно опознаны нашимъ логическимъ интеллектомъ, тѣмъ самымъ становятся доступными нашему созна-

тельному воздѣйствію. Мы получаемъ возможность заставлять окружающій міръ служить нашимъ цѣлямъ. Въ этомъ отношеніи положительное значеніе научнаго знанія не можетъ подвергаться сколько-нибудь серьезнымъ сомнѣніямъ. Но этого одного для человѣка недостаточно. Становясь господиномъ окружающей среды и получая возможность на нее воздѣйствовать, человѣкъ долженъ знать также и то, въ какомъ направленіи слѣдуетъ на нее воздѣйствовать, что именно онъ долженъ предпринять съ покореннымъ имъ міромъ. Научное знаніе вооружаетъ насъ средствами для дѣйствованія, но оно не указываетъ намъ окончательныхъ цѣлей этого дѣйствованія и по самому своему характеру не можетъ ихъ указать. Дѣло въ томъ, что эти цѣли опредѣляются сообразно съ общимъ назначеніемъ человѣка въ мірѣ. Но для уясненія этого назначенія научными средствами требовалось бы именно то полное и исчерпывающее знаніе міра, котораго наука дать намъ не можетъ, такое проникновеніе въ самую суть жизни, на которое не способенъ интеллектъ, анализирующій и расчленяющій явленія, но не проникающій дальше поверхности.

Этими недостатками интеллекта объясняется неудача всѣхъ раціоналистическихъ попытокъ истолкованія міра. Ни одна раціоналистическая система философіи неспособна была удовлетворить въ полной мѣрѣ запросамъ нравственнаго сознанія, ни одна не могла истолковать міръ во всей его цѣлостности, со всѣми его подчасъ противорѣчивыми элементами, и мало надежды на то, что подобное раціоналистическое толкованіе когда-нибудь удастся. Повидимому, нашъ логическій интеллектъ представляетъ собою, какъ увѣряетъ Бергсонъ [1]), слишкомъ грубое орудіе для подобной цѣли. Ему удается охватывать дѣйствительность въ отдѣльныхъ ея проявленіяхъ и вооружать насъ средствами практическаго воздѣйствія на отдѣльныя ея стороны. Но въ общемъ дѣйствительность слишкомъ ирраціональна или,

[1]) См. *H. Bergson.* L'évolution créatrice. Ср. обо всемъ этомъ *мою* книгу „Нравственная личность и общество“ (изд. Клочкова, 1911 г.).

можетъ быть, сверхрацiональна для того, чтобы быть охваченной логическими схемами, которыя ее сушатъ, обезцвѣчиваютъ и лишаютъ жизни.

Вотъ почему при рѣшенiи нравственной проблемы человѣчество никогда не ограничивалось одними средствами логическаго разсудка и разума, но восполняло пробѣлы логическаго знанiя изъ другихъ источниковъ. Нравственная проблема такъ важна для человѣка, что при ея разрѣшенiи не слѣдуетъ оставлять безъ вниманiя ни одной стороны человѣческаго существа. Если интеллектъ безсиленъ ее разрѣшить до конца, то нужно обратиться ко всѣмъ указанiямъ, которыя намъ можетъ дать по этому вопросу наша духовная сфера, хотя бы эти указанiя не подлежали логической провѣркѣ. Если мы дѣйствительно составляемъ часть мiрозданiя, то едва ли можно удивляться тому, что мы способны ощущать въ себѣ голосъ космической жизни совершенно непосредственно и безъ всякой помощи логическаго анализа. И тѣ люди, которые этотъ голосъ въ себѣ ощущаютъ, не имѣютъ никакого основанiя ему не вѣрить только потому, что онъ не подкрѣпляется логическими аргументами. Вѣдь еще Кантъ показалъ, что хотя разумъ не можетъ своими средствами достаточно обосновать трансцендентныхъ идей, но онъ и не отвергаетъ того обоснованiя этихъ идей, которое исходитъ изъ иныхъ, иррацiональныхъ источниковъ.

Такимъ образомъ, нравственное мiровоззрѣнiе человѣка неизбѣжно включаетъ въ себя такiе элементы, которые исходятъ не отъ логическаго разума. Основная база моральнаго долга лежитъ не въ аргументахъ разсудка или разума, но въ непосредственной данности моральнаго сознанiя. И въ этомъ отношенiи Кантъ былъ правъ, называя нравственный долгъ простымъ фактомъ чистаго практическаго разума, въ конечномъ счетѣ не подлежащимъ логическому обоснованiю и выведенiю. Тотъ человѣкъ, въ которомъ сильно сознанiе долга, будетъ служить этому долгу; если же въ комъ это сознанiе ослабѣло, то во всякомъ случаѣ не ло-

гическими аргументами можно его укрѣпить, но лишь воздѣйствіемъ на волю и чувство, приведеніемъ къ нормальному бодрому настроенію этого ослабѣвшаго въ вѣрѣ члена человѣческаго рода.

Съ этой точки зрѣнія въ новомъ свѣтѣ выступаетъ передъ нами назначеніе женщины. Пусть женщина мало дала въ области научнаго творчества, пусть она оказывается мало продуктивной въ области нѣкоторыхъ искусствъ. Но она всегда играла и будетъ играть въ человѣчествѣ другую, не только не менѣе важную, но, можетъ быть, и болѣе важную роль. Всѣмъ своимъ существомъ женщина ближе привязана къ мірозданію, тѣснѣе связана съ космическимъ процессомъ, чѣмъ логически анализирующій жизнь мужчина. Женщина многаго не можетъ доказать логически. Но она гораздо глубже насъ чувствуетъ міровую тайну, скрытую для нашего логическаго интеллекта. Она въ этомъ смыслѣ всегда, дѣйствительно, остается свободной дочерью природы [1]), и никакія заблужденія человѣческой мысли не могутъ сбить ее съ истиннаго пути. Нашумѣвшій недавно своей книгой о женщинѣ Вейнингеръ правъ, когда онъ отмѣчаетъ присущую женщинѣ въ сравненіи съ мужчиной бо̀льшую стихійность. Но онъ жестоко ошибается, когда на этомъ основаніи начинаетъ доказывать, что женщина не способна къ настоящему нравственному подъему и является представительницей темнаго, злого начала въ человѣчествѣ [2]).

---

[1]) *Heymans*, 264.

[2]) Какъ извѣстно, этотъ противникъ всякаго психологизма въ философіи (см. *Weininger*, Geschlecht und Charakter, 182—3) доходитъ до того, что отрицаетъ у женщины всякую логику (191), а вслѣдъ за логикой—также всякое „я“ (240), наличность души (243, 279). „Для абсолютной женщины,—декламируетъ Вейнингеръ,—не существуетъ никакой возможности нравственности“. „Если всякая женственность есть безнравственность, то женщина должна перестать быть женщиной и сдѣлаться мужчиной“ (463). „Чистый мужчина есть образъ Бога, абсолютное нѣчто, женщина, въ томъ числѣ и женщина въ мужчинѣ, есть символъ ничтожества: въ этомъ состоитъ значеніе женщины во вселенной и такъ другъ друга пополняютъ и обусловливаютъ мужчина и женщина“ (403). „Женщина есть ничто, она—только матерія“ (398).

Напротивъ, какъ давно уже указывалось многими геніальными умами, каковы Гёте, Шиллеръ, Шекспиръ, и какъ это теперь начинаетъ подтверждаться такими строго научными изслѣдованіями, какъ изслѣдованіе Гейманса, въ женщинѣ именно очень сильно нравственное чувство, и она является главной охранительницей нравственныхъ началъ въ человѣчествѣ. Женщина немного сдѣлала въ разработкѣ теоретической этики. Абстрактные принципы не привлекаютъ къ себѣ ея вниманія. Но самая суть дѣла, то нравственное чувство, которое на самомъ дѣлѣ опредѣляетъ собою наши поступки и которое только описывается съ помощью этихъ принциповъ и формулъ, но не создается и не насаждается ими, это чувство у женщинъ глубже и сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Какъ практическая дѣятельница, какъ воспитательница грядущихъ поколѣній, женщина всегда и выполняла въ исторіи свою главную миссію: поддержанія и укрѣпленія нравственныхъ началъ въ человѣчествѣ.

И всѣ философы должны съ этимъ считаться, если они хотятъ создавать дѣйствительно философію жизни, а не однѣ только сухія схемы интеллекта [1]). Они должны помнить, что жизнь въ цѣломъ супраріональна и что поэтому при построеніи философскихъ системъ мы должны серьезно считаться съ такими элементами ея, которые въ логическія рамки не укладываются. Конечно, у насъ нѣтъ другого способа философствованія, кромѣ логическаго разсужденія. Но философъ, серьезно считающійся съ жизнью въ ея цѣломъ, долженъ постоянно помнить о недостаточности интеллекта для полнаго ея познанія и, приходя къ тѣмъ конечнымъ проблемамъ, которыя уже не подъ силу дискурсивному интеллекту, долженъ совершенно откровенно давать мѣсто тѣмъ источникамъ духовнаго прозрѣнія, которые исходятъ изъ самой глубины человѣческаго существа и

---

[1]) Не простая случайность, конечно, что такой врагъ женщинъ, какъ Вейнингеръ, объявляетъ себя сторонникомъ современныхъ ультраріоналистическихъ направленій въ философіи (см. предыд. примѣчаніе).

которые, повидимому, такимъ живымъ ключомъ бьютъ именно въ женской душѣ.

Женщина, какъ мы видѣли, обладаетъ сильно развитымъ религіознымъ чувствомъ. Она, въ общемъ, болѣе наклонна къ мистическимъ переживаніямъ, чѣмъ мужчина. Если исторія мало знакома съ проявленіями женскаго генія въ области абстрактной науки и философіи, а также въ области нѣкоторыхъ видовъ эстетическаго творчества, то область религіознаго мистицизма богата женскими именами во всякомъ случаѣ не въ меньшей степени, чѣмъ мужскими. И притомъ женщина является здѣсь обыкновенно представительницей не чисто созерцательнаго мистицизма, который сосредоточивается на пассивномъ воспріятіи божественнаго начала въ человѣкѣ, но мистицизма дѣйственнаго, активнаго, при которомъ это начало становится силой, опредѣляющей все поведеніе человѣка и ищущей своего выраженія въ поступкахъ и актахъ. Теперь, повидимому, прошло то время, когда наука пренебрежительно относилась къ мистическимъ переживаніямъ и склонна была видѣть въ нихъ исключительно патологическія явленія. Понемногу укрѣпляется взглядъ Джемса, что «подлинную основу истины всегда составляетъ наша импульсивная вѣра, а наша выраженная въ словахъ философія—это лишь рядъ формулъ, въ какія вѣра облекается» [1]). И не одинъ только

---

[1]) *Джемсъ.* Многообразіе религіознаго опыта, 66. Ср. о значеніи подсознательныхъ процессовъ слова *Jastrow*, La subconscience, 371: „Въ области духовной жизни наиболѣе энергичныя и наиболѣе постоянныя усилія не являются еще наиболѣе выгодными. Только въ результатѣ случайности, къ которой приводитъ прогулка, на берегу рѣки находятъ наиболѣе тонкіе цвѣты. Природа вынуждаетъ насъ къ длиннымъ и частымъ періодамъ отдыха; въ теченіе этихъ періодовъ отдыха наша мысль созрѣваетъ, и это созрѣваніе необходимо для нашего прогресса. Сознаніе, которое играетъ преобладающую роль, когда дѣло идетъ о преслѣдованіи опредѣленной цѣли, часто неспособно выразить то, что во мнѣ оказывается наиболѣе интимнымъ... Культура—употребляя это слово въ самомъ широкомъ значеніи—зависитъ настолько же отъ подсознательныхъ, насколько отъ сознательныхъ факторовъ духа; знаніе, которое сознательно, исчезаетъ, и остается мудрость; она запечатлѣна въ подсознательныхъ чертахъ характера".

Джемсъ среди современныхъ ученыхъ выступаетъ съ рѣшительнымъ заявленіемъ, что мистическія переживанія имѣютъ значеніе объективное, составляютъ особый путь познанія и притомъ познанія болѣе глубокаго, чѣмъ познаніе логическое. «Гипотеза невроза и вырожденія,—говоритъ по этому поводу профессоръ Делакруа[1]),—можетъ объяснить... нѣкоторыя случайности и нѣкоторыя разновидности въ геніальномъ творчествѣ и мистическомъ проникновеніи; но она не является исчерпывающей. Если бы подъ неврозомъ не скрывалось своеобразное духовное состояніе, то не было бы артистическихъ геніевъ въ той же мѣрѣ, какъ и религіозныхъ. Истерія сама по себѣ и сама въ себѣ не объясняетъ намъ св. Терезы, такъ же какъ умственное разстройство или опредѣленнаго типа нервозность не объясняютъ той длинной вереницы геніевъ и талантовъ, у которыхъ обнаружены соотвѣтственные симптомы».

Вотъ то главное свойство женщины, которымъ опредѣляется ея назначеніе въ эволюціи человѣчества. Женщина тѣснѣе связываетъ человѣчество съ истинной основой нравственной жизни. Ея настоящая сфера—это активная, дѣйственная нравственность. Не путемъ логическихъ схемъ, но самой практикой жизни женщина поднимаетъ насъ надъ уровнемъ повседневныхъ заботъ, постоянно напоминая намъ о томъ вѣчномъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ живы всѣ люди. Вотъ почему въ заключеніе доклада, посвященнаго женской душѣ, невольно приходятъ въ голову строки, которыя посвятилъ женщинѣ одинъ изъ самыхъ крупныхъ поэтовъ человѣчества, особенно тонко понимавшій женскую психику. Я привожу эти строки въ томъ переводѣ и истолкованіи, которые имъ даны русской женщиной-поэтомъ:

Женщинѣ—слава. Межъ будничной прозы
Вьетъ и вплетаетъ небесныя розы
Въ тернія жизни вседневной она.

---

[1]) *H. Delacroix*, Etudes d histoire et de psychologie du mysticisme (1908), 342.

Жены, довольствуясь славой спокойной,
Счастья цвѣтокъ охраняютъ достойно;
Въ самой неволѣ свободнѣй ихъ умъ,
Въ области чувства познанія—шире,
Чѣмъ у живущихъ въ таинственномъ мірѣ
Чистой науки и творческихъ думъ.

Женщина—властью своей неизмѣнной—
Мольбой и лаской—царица вселенной.
Смягчая раздоръ, зажигающій кровь,
Она примиряетъ враждебныя силы;
Поклявшимся въ вѣчной враждѣ до могилы
Она возвѣщаетъ святую любовь [1]).

---

[1]) *Шиллеръ*, Достоинство женщины, пер. О. Чюминой.

О равноправіи женщинъ [1]).

Публичная лекція, читанная во Владимирѣ и въ Москвѣ въ 1906 г.

I.

Въ современной русской дѣйствительности стоитъ на очереди масса самыхъ животрепещущихъ общественныхъ вопросовъ. Если изъ всѣхъ этихъ вопросовъ я избираю предметомъ своей лекціи женскій вопросъ, то я это дѣлаю потому, что, какъ мнѣ кажется, ему отводится недостаточно вниманія при обсужденіи современнаго положенія вещей. Такое невниманіе не соотвѣтствуетъ несомнѣнной важности вопроса. Что касается меня, то я считаю вопросъ о равноправіи женщинъ однимъ изъ самыхъ важныхъ соціальныхъ вопросовъ нашего времени, даже важнѣйшимъ, стоящимъ на ряду съ вопросомъ о положеніи рабочихъ классовъ. Дѣло идетъ въ моихъ глазахъ объ исправленіи вопіющей соціальной несправедливости. Я не хочу сказать, что то положеніе женщинъ, съ которымъ мы встрѣчаемся теперь и противъ котораго возстаютъ сторонники женской равноправности, установилось произвольно и безъ достаточныхъ основаній. Я убѣжденъ, напротивъ, что въ исторіи все совершается закономѣрно и имѣетъ свои необходимыя причины; такъ было, значитъ, иначе быть не могло. Но я въ равной степени далекъ и отъ признанія какихъ-либо неизмѣнныхъ догматовъ въ соціальныхъ отношеніяхъ. Извѣстное положеніе могло создаться подъ влія-

1) «Московскій Еженедѣльникъ», 1906 г., №№ 12 и 13.

ніемъ извѣстныхъ причинъ, оно могло поддерживаться такъ долго, что всѣ къ нему привыкли и начали считать его вытекающимъ изъ самой „природы вещей“. Но обстоятельства могутъ измѣниться, могутъ отпасть тѣ соціальныя причины, которыя вызвали въ свое время это положеніе и способствовали его поддержанію, и тогда наступаетъ неизбѣжно моментъ „переоцѣнки цѣнностей“. То, что можно было оправдывать при одномъ сочетаніи соціально-экономическихъ условій, приходится признать совершенно несправедливымъ при наличности новыхъ отношеній.

Это и произошло, по моему мнѣнію, съ положеніемъ женщинъ. Прежній режимъ, къ которому мы привыкли и при которомъ женщины занимали въ обществѣ подчиненное положеніе, обусловливался двумя обстоятельствами, которыя теперь измѣнились. Поэтому защитники „стараго режима“ и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше теряютъ почву подъ ногами. Я вполнѣ убѣжденъ, что имъ придется очистить свои позиціи и что въ теченіе XX столѣтія идея женскаго равноправія одержитъ побѣду. XX вѣкъ будетъ вѣкомъ женщинъ.

Подчиненное положеніе женщинъ установилось подъ вліяніемъ двухъ главныхъ причинъ. Во-первыхъ, оно явилось результатомъ того, что въ экономической жизни стараго общества и въ его соціальныхъ отношеніяхъ огромное значеніе имѣла *физическая сила*. Физическій трудъ стоялъ на первомъ мѣстѣ въ промышленности. Война, въ которой также на первомъ планѣ стояла физическая сила и личная храбрость, рѣшала важнѣйшіе вопросы политики. Во всѣхъ этихъ областяхъ женщина, по природѣ болѣе слабая физически, чѣмъ мужчина, въ силу вещей должна была уступить ему мѣсто. Съ другой стороны, благодаря разобщенности населенія при несовершенныхъ путяхъ сообщенія и средствахъ сношеній такіе духовные факторы, какъ общественное мнѣніе, не играли большой роли. Вотъ первая причина соціальнаго и экономическаго приниженія женщинъ.

Въ настоящее время все это измѣнилось. Успѣхи техники перевернули всѣ отношенія. Физическая сила рабочаго не имѣетъ прежняго значенія въ промышленности, работающей паромъ и электричествомъ; женщины массами привлекаются въ эту область. Война при успѣхахъ военной техники стала такъ ужасна и кровопролитна, что всѣ усилія человѣческой мысли направляются къ уничтоженію этого варварскаго способа рѣшенія споровъ; войны дѣлаются болѣе рѣдкими, увеличивается роль дипломатическихъ сношеній, растетъ стремленіе къ мирному улаживанію международныхъ столкновеній. Передвиженія стали дешевы, быстры, удобны и вполнѣ доступны всѣмъ классамъ. Это обстоятельство имѣетъ огромное соціальное значеніе. Только благодаря усовершенствованію техники передвиженій и сношеній, общественное мнѣніе стало играть въ послѣднее время столь выдающуюся роль. При прежнемъ порядкѣ общины жили обособленною жизнью; поэтому, даже внутри одного государства трудно было сложиться единодушному общественному мнѣнію. Теперь въ оживленномъ обмѣнѣ находятся не только отдѣльныя области каждаго государства, но и всѣ культурныя государства земного шара. По нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ слагается общественное мнѣніе всего земного шара, которое является могущественной силой и оказываетъ давленіе на рѣшеніе многихъ соціальныхъ задачъ. Въ образованіи общественнаго мнѣнія женщины и теперь принимаютъ участіе; въ дальнѣйшей исторіи ихъ участіе, несомнѣнно, только увеличится. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи все болѣе на первый планъ выдвигается духовный факторъ: сила мысли и убѣжденія вліяетъ на міровые вопросы черезъ сплоченное и организованное общественное мнѣніе. Наконецъ, торжество представительныхъ учрежденій, о которыхъ рѣчь будетъ сейчасъ, приводитъ къ тому же результату; прежняя борьба съ оружіемъ въ рукахъ внутри государствъ все болѣе вытѣсняется мирной борьбой идей въ стѣнахъ парламентовъ. Конечно, процессъ еще далеко

не завершился въ этомъ направленіи, но я отмѣчаю лишь общую тенденцію развитія. Она состоитъ, несомнѣнно, въ томъ, что повсюду ослабѣваетъ значеніе физической силы и на первый планъ выступаетъ сила духовная. Падаетъ, такимъ образомъ, одинъ изъ устоевъ, на которомъ покоилось вѣковое подчиненіе женщинъ.

Другимъ устоемъ, въ моихъ глазахъ, являются *политическія условія* прежнихъ эпохъ. Приниженіе женщинъ было неизбѣжно и вполнѣ допустимо при такомъ режимѣ, когда въ сущности все населеніе состояло не изъ „гражданъ", но изъ „подданныхъ". Подданные не считались способными активно участвовать въ жизни государства; ихъ разумъ признавался „ограниченнымъ" въ политическихъ вопросахъ. При такомъ режимѣ всѣ были только частными лицами, а задача женщины состояла въ воспитаніи такихъ „мирныхъ гражданъ". Полагали, что она вполнѣ успѣшно можетъ выполнить эту миссію, оставаясь въ четырехъ стѣнахъ своего дома.

И въ этомъ отношеніи обстоятельства измѣнились. Режимъ политической несвободы и неравенства повсюду смѣняется режимомъ конституціоннымъ и безсословнымъ. Конечно, всеобщее избирательное право – главная основа безсословнаго строя—далеко не вездѣ еще получило законодательное признаніе, но идеи, лежащія въ его основѣ, дѣлаютъ быстрые успѣхи, и, повидимому, не далеко то время, когда онѣ повсюду получатъ практическое осуществленіе. Новый принципъ состоитъ въ томъ, что, по общему правилу, всѣ граждане призываются къ участію въ политической жизни. Спрашивается, развѣ можетъ такая перемѣна государственнаго строя не отразиться на положеніи женщины? Если даже считать первой обязанностью женщины воспитаніе дѣтей, то можетъ ли остаться неизмѣннымъ соціальное положеніе этой воспитательницы при такомъ измѣненіи положенія и назначенія въ государственной жизни тѣхъ, кого она должна воспитывать? Я думаю, что нѣтъ. Измѣнились задачи воспитанія, воспитываются будущіе активные гра-

ждане, а не только пассивные подданные; должно измѣниться и соціальное положеніе и подготовка самой воспитательницы. То, что было пригодно при прежнихъ условіяхъ, не годится при установленіи новаго режима. Такимъ образомъ, перемѣна политическаго режима разрушаетъ второй устой подчиненія женщины. Съ измѣненіемъ положенія всего населенія исчезнетъ и вѣковое рабство женщинъ.

Перейдемъ къ болѣе подробной провѣркѣ этихъ положеній.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что теперешнее положеніе женщинъ, являющееся отраженіемъ стараго экономическаго и политическаго режима, не только отлично отъ мужского,—противъ этого не пришлось бы и спорить, такъ какъ равноправіе женщинъ вовсе не означаетъ собой уничтоженія всякихъ соціальныхъ различій между полами,—но ставитъ женщину *ниже* мужчины, отводитъ ей мѣсто въ обществѣ, *не соотвѣтствующее ея достоинству, какъ человѣческой личности.* И въ этомъ не трудно убѣдиться даже при помощи бѣглаго обзора дѣйствующаго въ современныхъ культурныхъ странахъ права.

Что касается политическихъ правъ, то, за весьма немногими исключеніями, женщины вездѣ ихъ лишены. Имъ не только не даютъ избирательныхъ правъ, но въ нѣкоторыхъ странахъ даже запрещаютъ принимать участіе въ политическихъ союзахъ и собраніяхъ. Сравнительно снисходительнѣе относятся къ ихъ участію въ выборахъ по мѣстному самоуправленію; въ сущности, это и не политическіе выборы, такъ какъ рѣчь идетъ только объ интересахъ мѣстнаго общиннаго хозяйства. Но, несмотря на то, что нѣтъ основаній сомнѣваться въ хозяйственныхъ способностяхъ женщинъ и что въ основѣ муниципальныхъ и общинныхъ выборовъ часто лежитъ имущественный цензъ, т.-е. представительство имущественныхъ интересовъ, въ которыхъ нѣтъ различія между собственниками обоихъ половъ, все-таки и участіе женщинъ въ этихъ выборахъ признано также далеко не вездѣ и не въ полномъ размѣрѣ.

Въ утѣшеніе женщинамъ говорятъ, что онѣ и безъ того имѣютъ большое вліяніе на политическую жизнь: вѣдь большинство мужчинъ въ ихъ рукахъ и подчиняется ихъ обаянію. Можетъ быть, это и такъ, но едва ли такая точка зрѣнія, отсылающая женщинъ къ закулиснымъ интригамъ, можетъ быть признана соотвѣтствующей не только существу дѣла, но и человѣческому достоинству женщинъ. Бѣда заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что объ этомъ достоинствѣ обыкновенно слишкомъ мало думаютъ. А между тѣмъ именно тому, кто является врагомъ освободительныхъ стремленій современныхъ женщинъ и кто не затрудняется въ сочиненіи грозныхъ филиппикъ по поводу ихъ недостатковъ, особенно слѣдовало бы задуматься надъ вопросомъ, не лежитъ ли бо́льшая часть причинъ, вызывающихъ эти недостатки, какъ разъ въ ненормальномъ соціальномъ и политическомъ положеніи женщинъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что привлеченіе женщинъ къ активной политической жизни подниметъ значительно нравственный уровень самихъ же женщинъ. Я напомню по этому поводу слѣдующія слова Дж. Ст. Милля [1]): „Дайте женщинѣ право голоса и она почувствуетъ свою солидарность съ мужчиной въ вопросахъ политической чести. Она научится смотрѣть на политику, какъ на область, гдѣ можно имѣть самостоятельное сужденіе, и гдѣ человѣкъ, если онъ имѣетъ собственное мнѣніе, долженъ поступать согласно съ нимъ; она пріобрѣтетъ чувство личной отвѣтственности и не будетъ, какъ теперь, сознавать, что какое бы вредное вліяніе она ни оказывала на мужа, бѣды въ этомъ для нея нѣтъ, потому что все покрывается его личной отвѣтственностью. Только когда обстоятельства будутъ поощрять ее составлять себѣ собственное сужденіе и уяснять себѣ доводы, которые, будучи поддерживаемы голосомъ совѣсти, должны одержать верхъ надъ искушеніями личнаго и семейнаго характера, она перестанетъ развращающимъ образомъ вліять на

---

[1]) *Милль*, Представительное правленіе (изд. Павленкова. 1897 г.), стр. 100 и сл.

политическую совѣсть мужчины. Противодѣйствовать ея косвенному вліянію, какъ силѣ вредной, можно только, превративъ его въ прямое".

Не многимъ лучше положеніе женщины и въ гражданскомъ правѣ. Въ теченіе многихъ вѣковъ подъ рядъ женщину всю жизнь держали подъ опекой. Если у нея былъ въ живыхъ отецъ, то она до замужества была подъ его властью; выходя замужъ, она попадала подъ власть мужа; оставаясь вдовой и потерявши отца, она поступала подъ опеку своего брата или даже сына. Такой режимъ былъ у евреевъ, у древнихъ грековъ и римлянъ, у германцевъ, съ нимъ мы встрѣчаемся въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и лишь весьма недавно, въ XIX вѣкѣ, исчезли послѣдніе слѣды этой пожизненной опеки надъ женщинами въ Германіи. Но и въ настоящее время въ странахъ романской культуры сохранилась въ полной силѣ имущественная недѣеспособность замужней женщины, которая не можетъ заключить самостоятельно ни одной имущественной сдѣлки и приравнивается къ малолѣтнимъ и сумасшедшимъ. Даже въ свободолюбивой Англіи за замужней женщиной было признано право обладать собственнымъ имуществомъ только въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія, и то не сразу въ полномъ объемѣ. Въ Германіи по новому уложенію, при отсутствіи особаго договора, имущество выходящей замужъ женщины поступаетъ въ управленіе мужа.

Въ личномъ отношеніи замужняя женщина почти повсюду находится въ полной зависимости отъ мужа. Она обязана раздѣлять его мѣстожительство, по всѣмъ семейнымъ дѣламъ его голосъ даетъ перевѣсъ, хотя бы семья жила всецѣло на счетъ жены. Германскій рейхстагъ при обсужденіи новаго гражданскаго уложенія отвергъ предложеніе Бебеля отдавать въ послѣднемъ случаѣ перевѣсъ мнѣнію женщины. Большимъ и весьма либеральнымъ нововведеніемъ считалась статья этого уложенія, дозволившая женѣ жаловаться въ судъ, если мужъ дѣлаетъ распоряженія, содержащія явное злоупотребленіе супружескою властью. И дѣйстви-

тельно, статья эта могла бы послужить образцомъ для составителей нашего проекта гражданскаго уложенія, которые рѣшительно провели повсюду красной нитью ту мысль, что жена должна бояться своего мужа. Есть законодательства, которыя не считаютъ возможнымъ допускать женщину быть свидѣтельницей при совершеніи гражданскихъ актовъ, каковы завѣщанія, контракты и т. п. Нельзя сказать, чтобы и въ этихъ нормахъ сказывалось особенное уваженіе къ женщинѣ. Къ веденію опеки даже надъ своими собственными дѣтьми женщины не во всѣхъ странахъ допускаются. А между тѣмъ, казалось бы, именно роль опекуна надъ малолѣтними наиболѣе свойственна женщинѣ. Это былъ вынужденъ недавно признать даже прусскій министръ юстиціи, послѣ непродолжительнаго опыта съ допущеніемъ женщинъ къ веденію опеки рекомендовавшій опекунскимъ судамъ усиленно заботиться о привлеченіи ихъ къ этой дѣятельности [1]). Что особенно несправедливо, такъ это оставшіяся отъ средневѣковаго режима ограниченія женщинъ въ правахъ на наслѣдство. Въ средніе вѣка съ обладаніемъ землей связана была обязанность къ военной службѣ. Поэтому женщина не считалась пригодной представительницей служилаго помѣстья. Теперь ничего подобнаго нѣтъ, но ограниченія въ наслѣдованіи остались и иногда распространяются и на движимое имущество. Таково положеніе, напр., въ нашемъ законодательствѣ: дочери при сыновьяхъ получаютъ указанную долю, сестра при братѣ совсѣмъ не наслѣдуетъ. Между тѣмъ, если кто нуждается въ наслѣдствѣ, то именно женщины: для нихъ открыто гораздо меньше профессій, и трудъ ихъ вознаграждается ниже мужского. Поэтому удержаніе въ этой области пережитковъ стараго времени является особенно бьющей въ глаза несправедливостью. Это признали даже наши составители гражданскаго уложенія, которые въ своемъ проектѣ наслѣдственнаго права стараются устранить эти несправедливыя различія между полами.

[1]) См. журналъ „Die Frau“. 1906 г. März, стр. 375.

Современное государство не только разграничиваетъ права и обязанности подданныхъ, но принимаетъ на себя въ значительной степени и положительныя заботы о ихъ благосостояніи. Одной изъ главнѣйшихъ заботъ является забота о народномъ образованіи. И въ этой области мужчинамъ отдается несомнѣнное преимущество. Почти во всѣхъ культурныхъ странахъ правительственной поддержкой пользуются преимущественно мужскія школы. Франція только недавно начала субсидировать среднія женскія школы и то въ весьма незначительныхъ размѣрахъ. Въ Германіи среднія женскія школы существуютъ только на частныя и общественныя средства. Въ Россіи казенныя субсидіи средней женской школѣ весьма не велики, поставлены эти школы во многихъ отношніяхъ хуже мужскихъ. Высшее женское образованіе у насъ предоставлено частной иниціативѣ и благотворительности. Хотя уставъ университетовъ 1884 года гласитъ, что въ студенты принимаются „молодые люди“, имѣющіе аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости, но молодыхъ дѣвушекъ не рѣшились подвести подъ это слишкомъ почетное для нихъ наименованіе людей, хотя и молодыхъ, и не пускали въ университеты даже дѣвушекъ, имѣющихъ требуемыя свидѣтельства. Какъ показалъ недавній примѣръ одной изъ высшихъ женскихъ школъ въ Россіи, если только вѣрить сообщеніямъ газетъ, легче мужчину счесть за „слушательницу“ и принять въ женское заведеніе, отнявъ тѣмъ мѣсто у кандидатки женскаго пола, чѣмъ женщинъ подвести подъ наименованіе людей и пустить въ университетъ.

Съ этимъ вполнѣ гармонируетъ тотъ фактъ, что и ко многимъ профессіямъ законъ женщинъ не допускаетъ. Женщины-адвокаты встрѣчаются пока въ очень немногихъ странахъ. Французская республика лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ допустила женщинъ къ этой профессіи. У насъ это право отнято у женщинъ особымъ указомъ 1879 года. Женщины-нотаріусы, кажется, составляютъ привилегію только нѣсколькихъ Американскихъ Штатовъ и Австраліи. На го-

сударственную службу женщины обыкновенно не допускаются, за исключеніемъ канцелярскихъ и низшихъ должностей. Не вездѣ дозволено имъ быть редакторами газетъ, хотя именно первая ежедневная газета издавалась, говорятъ, женщиной. Въ тѣхъ профессіяхъ, куда женщины допускаются, онѣ вознаграждаются въ половинномъ противъ мужчинъ размѣрѣ, да еще иногда вынуждены бываютъ бороться съ бойкотомъ и враждебнымъ отношеніемъ мужчинъ. Не рѣдкость составляло то явленіе, что студенты-медики въ Западной Европѣ предпринимали явно агрессивныя дѣйствія, чтобы заставить женщинъ покинуть аудиторіи университета. Такіе случаи бывали и въ Англіи, и въ Америкѣ, и въ Германіи, и во Франціи. Разсказываютъ, что въ Нью-Іоркѣ первыя женщины-врачи не могли даже найти себѣ квартиръ, такъ какъ домохозяева не желали ихъ пускать къ себѣ. Церковь въ большинствѣ случаевъ не допускаетъ женщинъ къ церковной проповѣди и къ занятію церковныхъ должностей. Извѣстно каноническое правило католической церкви: да молчитъ женщина въ церкви. Только нѣкоторыя диссидентскія общины не дѣлаютъ различія въ правахъ женщинъ и мужчинъ, да секты, въ родѣ арміи спасенія.

Но въ то же время, по отношенію къ обязанностямъ, государство не дѣлаетъ различія между женщинами и мужчинами. Налоги женщины платятъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и мужчины. Передъ уголовнымъ судомъ онѣ отвѣчаютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и мужчины. Если законъ дѣлаетъ нѣкоторое снисхожденіе беременнымъ женщинамъ, то это объясняется, конечно, не особеннымъ вниманіемъ къ женщинѣ, но къ ожидаемому ребенку. Въ остальномъ же отношеніе уголовнаго закона къ женщинѣ скорѣе явно пренебрежительное. Н. В. Давыдовъ [1]) приводитъ рядъ статей, въ которыхъ самый тонъ выдаетъ общій взглядъ законодателя на женщину. Законъ, говоря о бродягахъ, не особенно стѣсняется въ выраженіяхъ, но нигдѣ бранныхъ выраженій

[1]) „Научное Слово“, 1905 г., № VIII—XI, стр. 37 сл.

не содержитъ; когда же онъ начинаетъ говорить о женщинахъ-бродягахъ, то именуетъ ихъ подлыми и подозрительными дѣвками (Уст. о пред. и прес., ст. 158). Еще рѣзче неуваженіе къ женщинѣ проявляется во французскомъ уголовномъ кодексѣ, который прямо узаконяетъ двойную половую мораль. Всякое нарушеніе супружеской вѣрности со стороны жены карается и притомъ тюрьмой; со стороны же мужа оно карается лишь въ томъ случаѣ, если онъ содержалъ наложницу въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ его жена, и притомъ карается только денежнымъ штрафомъ. Въ другихъ странахъ законы прямо такого различія не устанавливаютъ, но двойная мораль, несомнѣнно, существуетъ въ нравахъ общества, что̀ проявляется въ приговорахъ присяжныхъ. Если жена измѣнила мужу, то это считается страшнымъ преступленіемъ; мужъ, который не утратилъ еще въ глубинѣ души воззрѣнія на жену, какъ на свою собственность, утверждаетъ, что *его* честь этимъ оскорблена. Если онъ убьетъ жену, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ можетъ разсчитывать на оправданіе. Но очень ошиблась бы та женщина, которая, совершивъ изъ мести и ревности убійство мужа, разсчитывала бы на такое снисхожденіе присяжныхъ. Мнѣ скажутъ, что снисхожденія въ такихъ случаяхъ не должно быть, такъ какъ ревность и месть не могутъ оправдать убійства; не буду спорить съ этимъ, но буду вмѣстѣ съ тѣмъ требовать одинаковаго отношенія къ лицамъ обоего пола.

Не всѣ согласны съ выставленнымъ положеніемъ, что обязанности, налагаемыя закономъ на оба пола, одинаковы. Говорятъ, что ограниченіе женщинъ въ правахъ окупается тѣмъ, что онѣ не несутъ многихъ тяжелыхъ повинностей. Такова повинность присяжныхъ засѣдателей и воинская повинность. Но, во-первыхъ, отъ повинности присяжнаго засѣдателя женщины не отказываются. Ихъ не допускаетъ къ этому дѣлу законъ, считая ихъ недостойными выполнять судебныя функціи. Есть, однако, страны, гдѣ женщины фигурируютъ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей и ничего

худого изъ этого не выходитъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ С. Америки, въ которыхъ женщины вообще не надѣлены политическимъ равноправіемъ, ихъ тѣмъ не менѣе приглашаютъ быть присяжными засѣдателями по дѣламъ, въ которыхъ подсудимыми являются дѣти.

Что касается воинской повинности, то ея женщины, конечно, не стремятся отбывать, хотя неспособными къ военному дѣлу ихъ вполнѣ считать не приходится. Доказательствомъ этому служатъ не однѣ только миѳическія амазонки или гвардія дагомейскаго короля, но средневѣковыя феодалки, нерѣдко съ успѣхомъ выступавшія во главѣ своихъ дружинъ, а также и тѣ женщины, которыя во время французской революціи дослуживались даже до офицерскихъ чиновъ въ революціонной арміи, пока не были оттуда удалены безъ всякой вины съ своей стороны [1]). Но я, конечно, не буду отстаивать привлеченія женщинъ къ отбыванію воинской повинности. Я укажу только, что женщины уплачиваютъ свой кровавый налогъ на пользу рода человѣческаго при рожденіи будущихъ солдатъ; статистика показываетъ, что цифра смертности женщинъ отъ родовъ превышаетъ цифру смертности мужчинъ на полѣ битвы [2]). Наконецъ, женщины и на войнѣ выполняютъ тяжелую миссію сестеръ милосердія. Никто не мѣшаетъ, если угодно, обратить это дѣло въ обязательную повинность; вообще нѣтъ препятствій къ установленію для женщинъ обязательной повинности по общественной благотворительности, если это—необходимое условіе для уравненія ихъ въ политическихъ правахъ съ представителями другого пола.

Такимъ образомъ, при одинаковыхъ въ общемъ обязанностяхъ съ мужчинами, женщины значительно ограничены

[1]) См. *Lasserre*. La participation collective des femmes à la revolution française, 1906 г., стр. 314 и сл.

[2]) Напр., въ Германіи съ 1815 г. на полѣ битвы (въ войнахъ 1848/49, 1864, 1866, 1870/71) погибло 55.000 мужчинъ. За то же время (1816—1900) въ границахъ современной Германской имперіи умерло отъ родовъ около 600.000 женщинъ. См. *Matzat*, Philosophie der Anpassung (1903 г.), стр. 130 пр. 3. Ср. *Bebel*, Die Frau und der Sozialismus (24 изд. 1903 г.), стр. 289.

въ правахъ какъ политическихъ, такъ и гражданскихъ, въ доступѣ къ труду и вознагражденіи за трудъ, и государство вообще меньше о нихъ заботится, чѣмъ о мужчинахъ. Спрашивается, соотвѣтствуетъ ли такое положеніе дѣла справедливости?

Что такое самая справедливость и какой порядокъ общественныхъ отношеній соотвѣтствуетъ справедливости? Я защищаю слѣдующее опредѣленіе справедливости [1]). Справедливостью называется стремленіе достигнуть соціальнаго идеала. Идеальнымъ является тотъ порядокъ, при которомъ общество устроено такъ, что оно достаточно сильно и сплочено, но при этомъ отдѣльные его члены не подвергаются ограниченіямъ въ своемъ свободномъ развитіи. Такимъ образомъ, для достиженія справедливаго порядка необходимо согласовать интересы всего союза, какъ цѣлаго, и отдѣльныхъ его членовъ. Это—задача очень трудная, такъ какъ интересы союза часто требуютъ дѣйствій и мѣропріятій діаметрально противоположныхъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ (жертва жизнью на войнѣ). Поэтому-то достиженіе идеала справедливости и является столь труднымъ и неосуществимымъ въ полной чистотѣ. Человѣческія общества постоянно стремятся достигнуть этого идеала и никогда его не достигаютъ вполнѣ. Тѣмъ не менѣе справедливость является путеводной звѣздой въ развитіи всякаго права, въ организаціи всякаго общественнаго союза. Идеальнымъ былъ бы такой строй, въ которомъ отъ индивида, при полномъ сохраненіи крѣпости и цѣлости общественнаго союза, не требовалось бы никакихъ жертвъ своими интересами и никакихъ ограниченій личной свободы. Но такой порядокъ предполагаетъ, съ одной стороны, что ни одинъ членъ союза не преслѣдуетъ цѣлей, несовмѣстимыхъ съ благомъ всего союза, антисоціальныхъ; съ другой стороны, что между отдѣльными членами союза нѣтъ разногласій о томъ, что̀ именно требуется для блага всего союза. Дру-

---

[1]) См. мою „Общую теорію права“, изд. 5-е, 1910 г., § 10.

гими словами, идеальное общественное устройство возможно только для идеальныхъ людей. Пока нравственное развитіе людей не идеально, мы не можемъ мечтать и о водвореніи идеальной справедливости. Но тѣмъ не менѣе мы должны стремиться къ тому, чтобы подходить къ этому идеальному порядку насколько возможно ближе. Всѣ наши установленія и нормы мы должны постоянно подвергать оцѣнкѣ съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія этому идеалу и устранять тѣ изъ нихъ, которыя ему не соотвѣтствуютъ, отдаляютъ насъ отъ его осуществленія. Такія нормы мы признаемъ несправедливыми и требуемъ ихъ отмѣны во имя высшей справедливости.

Съ этой точки зрѣнія мы должны разсматривать и женскій вопросъ. Правильная его постановка тогда сведется къ тому, что мы должны выяснить, соотвѣтствуетъ ли справедливости нынѣшнее положеніе женщинъ или нѣтъ? Для этого мы должны рѣшить въ свою очередь, есть ли женщина *личность*, которая можетъ претендовать на свободное развитіе, и пользуется ли она этимъ правомъ на свободное развитіе въ должной мѣрѣ, т.-е. существуютъ ли такія соображенія *общегосударственнаго характера*, которыми достаточно оправдывались бы установленныя дѣйствующимъ правомъ и нравами ограниченія ея свободы? Разбирая этотъ вопросъ, я буду имѣть въ виду главнымъ образомъ *политическія права* женщины, такъ какъ время не позволитъ мнѣ подвергнуть основательному разбору всѣ остальныя стороны женскаго вопроса и такъ какъ политическія права составляютъ главную цѣль стремленій сторонниковъ женскаго движенія. Не трудно понять, что, если женщины добьются политическихъ правъ, то онѣ получатъ сильное оружіе для огражденія своихъ остальныхъ интересовъ. Итакъ, поставимъ вопросъ, въ достаточной ли степени женская личность свободна въ области политической жизни и оправдываются ли интересами государства существующія ограниченія въ такой мѣрѣ, чтобы мы могли признать ихъ справедливыми?

II.

Мнѣ кажется, что уже изъ предыдущаго бѣглаго очерка юридическаго положенія женщинъ по дѣйствующему праву совершенно ясно, что женщины въ политической области почти совсѣмъ не пользуются свободой. За ними только въ очень немногихъ и притомъ, большею частью, внѣевропейскихъ странахъ признается право участвовать въ выборахъ народныхъ представителей и быть избираемыми. А при отсутствіи этого важнѣйшаго права довольно трудно говорить о наличности какихъ бы то ни было политическихъ правъ. И мы видѣли, что нѣкоторыя законодательства идутъ послѣдовательно въ этомъ направленіи отрицанія женскихъ правъ и даже запрещаютъ женщинамъ участіе въ политическихъ собраніяхъ и союзахъ, не признаютъ за ними права быть редакторами политическихъ изданій и т. д. Другими словами, въ области политическихъ правъ женщина равна нулю.

Какъ уже было сказано выше, противъ такого порядка женщинамъ не приходилось возражать при существованіи общаго политическаго режима, отрицающаго политическую свободу гражданъ. Пока населеніе государства признается только „подданными“, пока за нимъ не признается способности принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, до тѣхъ поръ женщинамъ жаловаться не приходится: онѣ безправны, но это безправіе не составляетъ ихъ исключительной привилегіи; онѣ равны въ безправіи со всѣми подданными. Можно оправдывать теоретически безправіе женщинъ и при существованіи аристократической формы правленія въ ея разныхъ видахъ: къ участію въ управленіи государствомъ привлекаются „лучшіе люди“, т.-е. не все населеніе, а лишь нѣкоторая его часть, за которой государство соглашается признать наличность политической мудрости. Защитникамъ аристократіи, конечно, не трудно будетъ подыскать аргументы, почему женщины исключены отъ участія въ политической жизни: вѣдь подыскиваютъ же они такіе аргументы для исключенія другихъ слоевъ и

составныхъ частей населенія. Дѣло мѣняется, если мы переходимъ къ безсословной конституціонной монархіи или къ демократической республикѣ, вообще къ такому государственному устройству, при которомъ признано въ той или иной формѣ право всѣхъ слоевъ населенія на участіе въ выборѣ народныхъ представителей. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы исключеніе женщинъ отъ этого участія можно бы было оправдывать въ подобныхъ государствахъ.

Я полагаю, что существуетъ лишь одна точка зрѣнія, становясь на которую можно защищать политическую безправность женщинъ въ безсословномъ государствѣ, не рискуя впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою. Эта точка зрѣнія состоитъ въ томъ, чтобы признать, что женщина не есть полная человѣческая личность. Если принять это положеніе, тогда все становится ясно. Не будучи человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, женщина не можетъ считаться и полноправной гражданкой, хотя бы даже въ чистѣйшей демократіи.

Знакомясь съ положеніемъ женскаго вопроса въ литературѣ и законодательствѣ, я вынесъ совершенно опредѣленное заключеніе, что въ сущности эта идея и лежитъ въ основѣ тѣхъ законовъ, которые лишаютъ женщину политическихъ правъ, а также и тѣхъ литературныхъ произведеній, авторы которыхъ вполнѣ категорически высказываются въ эту сторону. Въ этомъ не трудно убѣдиться всякому желающему. Въ моей брошюрѣ „Женщина наканунѣ новой эпохи“ (М. 1905 г., изд. Путиловой) приведены взгляды на женщину двухъ наиболѣе яркихъ выразителей антифеминистскаго направленія—Ницше и Шопенгауэра. Если вы просмотрите даже тѣ немногія выдержки, которыя мною сдѣланы изъ ихъ сочиненій, то, мнѣ кажется, не можетъ остаться никакихъ сомнѣній, что для нихъ женщина не полный человѣкъ. Шопенгауэръ прямо говоритъ, что природа, проводя разрѣзъ, который долженъ былъ раздѣлить человѣчество на два пола, сдѣлала его не совсѣмъ посрединѣ. Ясно, что на долю женщины пришлось менѣе поло-

вины, что она не полный человѣкъ въ сравненіи съ мужчиной. Ницше доходитъ со свойственной ему страстностью до того, что даже повторяетъ, почти буквально и, вѣроятно, не зная объ этомъ, изреченія нашего Домостроя: „Когда ты идешь къ женщинамъ,—говоритъ онъ въ „Заратустрѣ",—то не забудь плетки" [1]). Для попа Сильвестра женщина, конечно, полнымъ человѣкомъ не была; онъ придерживался воззрѣнія, по которому женщина есть сосудъ дьявольскій. Ницше, вѣроятно, придерживался нѣсколько иныхъ воззрѣній на дьявола, но въ своихъ воззрѣніяхъ на женщину этотъ мыслитель второй половины XIX вѣка вполнѣ совпалъ съ попомъ Сильвестромъ.

Обратимся отъ литературы къ законодательной и судебной практикѣ—и мы увидимъ то же самое. Въ половинѣ XIX столѣтія конституціи демократически организованныхъ государствъ культурныхъ странъ, говоря о носителяхъ избирательнаго права, почти повсюду употребляли выраженія, соотвѣтствующія приблизительно нашему выраженію „человѣкъ" или „лицо". И вотъ женщины, добивавшіяся политическихъ правъ, начали обращаться къ судамъ, доказывая, что онѣ—также люди и лица, и что поэтому онѣ не должны быть исключаемы изъ пользованія избирательнымъ правомъ. Результаты этихъ довольно многочисленныхъ процессовъ повсюду были одни и тѣ же: суды Франціи, Англіи и С. Америки съ полнѣйшимъ единодушіемъ отказывали женщинамъ въ ихъ претензіяхъ, указывая на то, что законодатель, употребляя неопредѣленное выраженіе „лицо", имѣлъ въ виду, несомнѣнно, однихъ только мужчинъ. Я думаю, что толкованіе судовъ было правильно: дѣйствительно, составители конституцій не имѣли въ виду женщинъ. Почему же тогда они употребляли выраженія „человѣкъ", „лицо"? Да потому, что казалось яснымъ, что женщины на самомъ дѣлѣ—не лица; за ними не признавалась законодателями въ глубинѣ души полная человѣче-

[1]) *Nietzsche*, Werke, т. VI, стр, 98.

ская личность, и это представленіе, можетъ быть и не сознаваемое отчетливо, отразилось на словоупотребленіи составителей конституціонныхъ актовъ. Я уже привелъ другой примѣръ: толкованіе университетскаго устава 1884 года; въ немъ сказано о пріемѣ „молодыхъ людей“, и практика въ теченіе 25 лѣтъ примѣненія этого устава не сомнѣвалась, что подъ это обозначеніе женщины не подходятъ: онѣ—не люди въ смыслѣ законодателя.

Правильно ли такое представленіе, отказывающее женщинѣ въ признаніи ея человѣческой личности? Я не буду его опровергать. Тѣ, кто держится такихъ воззрѣній, едва ли будутъ слушать мои доводы. Кто интересуется аргументами въ пользу и противъ признанія женщины полной человѣческою личностью, можетъ найти ихъ сопоставленіе въ упомянутой уже моей брошюрѣ. Пока же будемъ считать этотъ вопросъ поконченнымъ. Если можно было считать женщину неполнымъ человѣкомъ въ эпоху торжества грубой физической силы, въ которой женщина, несомнѣнно, уступаетъ мужчинѣ, то такое представленіе является полнымъ анахронизмомъ теперь, когда на первый планъ повсюду выдвигается сила моральная. Въ этой области женщина мужчинѣ не только не уступаетъ, но, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ даже выше него.

Если же признать женщину полной человѣческой личностью, то не остается никакихъ сомнѣній, что въ свободно организованномъ обществѣ за женщиной должны быть признаны политическія права. Правда, противники женскаго равноправія ищутъ и здѣсь выхода. Они говорятъ: изъ принципа безсословности ничего еще не слѣдуетъ для рѣшенія вопроса о политическихъ правахъ женщинъ. Этотъ принципъ сводится лишь къ тому, что въ государствѣ не допускается никакихъ привилегированныхъ классовъ населенія. Но женщины не составляютъ особаго класса. Слѣдовательно, отнимая у нихъ права, мы не вступаемъ въ противорѣчіе съ нашимъ принципомъ. Мы не создаемъ въ государствѣ безправнаго класса.

Такая точка зрѣнія явно неправильна. Во-первыхъ, здѣсь происходитъ игра съ понятіемъ „класса“. Я думаю, что если мы всѣмъ взрослымъ и душевно здоровымъ мужчинамъ въ государствѣ дадимъ политическія права, но откажемъ въ нихъ такимъ же женщинамъ, то этого достаточно, чтобы признать, что женщины составятъ при такихъ условіяхъ особый классъ населенія, политически безправный. Во-вторыхъ, и понятіе безсословности опредѣляется при этомъ толкованіи неправильно. Безсословный режимъ состоитъ не только въ отсутствіи привилегированныхъ классовъ, но и въ томъ, что каждый взрослый и душевно здоровый человѣкъ, каждая личность признается активнымъ гражданиномъ. Если женщина—человѣкъ, если она—личность, то въ безсословномъ государствѣ она должна быть гражданкой и имѣть возможность пользоваться политическими правами, чтобы отстаивать свои интересы.

Но тутъ мы встрѣчаемся съ новымъ возраженіемъ. Намъ говорятъ, что у женщинъ нѣтъ такихъ интересовъ, которые нуждались бы въ особомъ представительствѣ, что всѣ женскіе интересы въ достаточной степени могутъ быть представлены мужчинами. Если женщина—замужемъ и ведетъ семейную жизнь, не занимаясь какой-либо профессіей, то у нея есть естественный защитникъ и представитель—мужъ. Если она—не замужемъ или, будучи замужемъ, занимается какой-либо профессіей, то интересы профессій достаточны ограждены представительствомъ тѣхъ мужчинъ, которые ими занимаются.

Всѣ эти возраженія не выдерживаютъ критики. Неправильно утвержденіе, что женщина—жена и мать, которая не занимается профессіональнымъ трудомъ, не имѣетъ такихъ интересовъ, которые нуждались бы въ ея представительствѣ. Такіе интересы есть, и они требуютъ представительства именно самихъ женщинъ, а не ихъ мужей. Во-первыхъ, большое значеніе имѣетъ тотъ интересъ общаго характера, о которомъ я уже говорилъ въ самомъ началѣ. Вѣдь въ современномъ государствѣ на женщину-мать воз-

лагается обязанность воспитывать будущихъ активныхъ гражданъ. Спрашивается, какимъ образомъ будетъ женщина успѣшно справляться съ этой задачей, если она сама стоитъ вдалекѣ отъ политической жизни, если мы ее замыкаемъ въ узкій кругъ ея домашнихъ интересовъ, не позволяемъ ей дѣйствовать внѣ стѣнъ ея дѣтской и кухни? Откуда такая женщина почерпнетъ и достаточный интересъ къ государственнымъ дѣламъ, и правильное пониманіе ихъ, чтобы имѣть возможность привить этотъ интересъ и пониманіе своимъ дѣтямъ? Между тѣмъ, на мой взглядъ, въ этомъ состоитъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ современнаго воспитанія. Ничто не можетъ быть гибельнѣе для государства нашихъ дней, какъ равнодушіе значительнаго количества населенія къ политикѣ и отсутствіе у массы гражданъ болѣе или менѣе правильныхъ представленій объ интересахъ государства. Обрекая матерей и женъ на политическое затворничество, мы роемъ яму самому государству, подрываемъ въ корнѣ его мощь.

Нельзя, далѣе, отрицать и того, что женщина-мать и жена имѣетъ и свои конкретные интересы, которые она должна имѣть возможность защищать передъ народнымъ представительствомъ, и что мужья не всегда являются надежными защитниками этихъ интересовъ отчасти по непониманію ихъ, отчасти по недостаточному вниманію къ нимъ. Скажу болѣе: у замужней женщины есть такіе интересы, которые она должна защищать именно отъ посягательствъ со стороны мужа. Вѣдь не станетъ же никто отрицать, что существуетъ спеціальное „бабье горе“, что не мало слезъ проливается отъ недостаточнаго вниманія къ этому горю, что немало преступленій совершается на почвѣ недостаточнаго огражденія законодательствомъ интересовъ замужнихъ женщинъ.

Обратимся теперь къ женщинамъ незамужнимъ и къ женщинамъ замужнимъ, какъ представительницамъ интересовъ своихъ профессій. Говорятъ, что интересы профессій достаточно ограждены представительствомъ мужчинъ. Это

совершенно невѣрно, поскольку рѣчь идетъ именно объ участіи женщинъ въ профессіяхъ. Мужчины часто видятъ въ женщинахъ только конкурентокъ и вовсе не заботятся объ огражденіи условій ихъ труда. Напротивъ, опытъ достаточно ясно показалъ, что женщины при огражденіи ихъ профессіональныхъ интересовъ мужчинами получаютъ половинное вознагражденіе за одинъ и тотъ же съ мужчинами трудъ. Наконецъ, есть и такія профессіи, которыя находятся почти исключительно въ рукахъ женщинъ.

Помимо этой профессіональной точки зрѣнія, есть еще и другая. Вѣдь женщины—мыслящія существа. У нихъ есть свои представленія о прогрессѣ и желательномъ его направленіи. Если мужчины имѣютъ право и возможность отстаивать свои убѣжденія и заботиться о томъ, чтобы они отражались на законодательствѣ, то почему же отказывать въ этомъ правѣ и возможности женщинамъ?

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія женской личности нельзя не признать существующій порядокъ несправедливымъ въ томъ смыслѣ, что онъ не даетъ этой личности такой же свободы развитія, какъ мужчинамъ. Остается разсмотрѣть, нѣтъ ли такихъ соображеній общегосударственнаго характера, которыя оправдывали бы ограниченія женскихъ правъ. Могутъ сказать именно, что интересы общаго блага, интересы государственнаго союза, какъ цѣлаго, неумолимо требуютъ такого ограниченія, что отъ предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ подвергнутся риску жизненные интересы всего государства. Если это такъ, то женщины должны пожертвовать своими личными интересами для блага государства. Вѣдь, бываютъ же такіе случаи, когда государство требуетъ отъ насъ и большихъ еще жертвъ. Когда происходитъ нашествіе на страну внѣшняго врага, то государство требуетъ отъ гражданъ даже жертвы жизнью.

Такія возраженія дѣлаются и противъ предоставленія женщинамъ политическихъ правъ. Намъ говорятъ: конечно, нельзя удивляться тому, что женщины желаютъ получить

права для огражденія своихъ интересовъ и даже просто для удовлетворенія своему чувству личнаго достоинства. Но подобный шагъ является слишкомъ рискованнымъ для государства. Мы можемъ такой мѣрой поставить на карту все существованіе и дальнѣйшее развитіе государства, дѣлаемъ, такъ сказать, скачокъ въ бездну. На чемъ же основаны подобныя опасенія?

Указываютъ на то, что у женщинъ нѣтъ политическаго опыта и достаточнаго образованія. Поэтому онѣ составятъ элементъ, расположенный къ слишкомъ рискованнымъ соціальнымъ экспериментамъ или же, напротивъ, слишкомъ преданный реакціи и застою. Далѣе, настаиваютъ на томъ, что женщины по природѣ отличаются несамостоятельностью; предоставленіе имъ правъ только чрезмѣрно увеличитъ количество зависимыхъ лицъ при голосованіи. Онѣ будутъ дѣйствовать постоянно подъ чужимъ вліяніемъ. Наконецъ, женщины живутъ болѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, и потому будутъ вносить въ политику опасный элементъ истеріи и чрезмѣрной нервности. Все это грозитъ большой опасностью государству.

Сверхъ того, отмѣчаютъ, что предоставленіе всѣмъ взрослымъ женщинамъ избирательнаго права приведетъ къ несправедливости относительно мужчинъ: количество женщинъ, пользующихся правомъ голоса, будетъ превышать количество мужчинъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, женщинъ и вообще въ большинствѣ странъ больше, чѣмъ мужчинъ, во-вторыхъ,—многіе мужчины лишены возможности пользоваться избирательнымъ правомъ по такимъ причинамъ, которыя не распространяются на женщинъ; таковы лица, служащія въ полиціи или отбывающія воинскую повинность.

Всѣ эти возраженія мнѣ не представляются убѣдительными. Когда государство рѣшается предоставить избирательное право мужской части своего населенія, то оно не требуетъ отъ нея политической опытности, такъ какъ ея и негдѣ было пріобрѣсти. Почему же требовать ея отъ

женщинъ? Въ особенности несправедливо было бы дѣлать такое возраженіе въ такихъ странахъ, какъ современная Россія. Здѣсь и мужчины никакого политическаго опыта не имѣютъ, за исключеніемъ того, который они пріобрѣли, работая надъ общественными и культурными задачами при прежнихъ политическихъ условіяхъ. Но въ такомъ случаѣ не мѣшаетъ помнить, что въ этой работѣ русскія женщины участвовали не меньше мужчинъ. Достаточно припомнить, какъ представляются женскіе типы въ изящной литературѣ соотвѣтствующаго періода. Едва ли кто будетъ утверждать, что женщины Тургенева имѣютъ меньше правъ на признаніе ихъ заслугъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ его мужчины. Наши мужчины не находятся въ такомъ же положеніи, какъ ихъ западные сосѣди. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ можетъ сказать окружающимъ его женщинамъ, что онъ опытнѣе ихъ въ политическомъ отношеніи. Русскій этого сказать не можетъ; мы всѣ одинаково неопытны, какъ мужчины, такъ и женщины.

Точно такъ же неосновательна и ссылка на недостатокъ образованія. Конечно, русскія женщины менѣе образованы, чѣмъ мужчины. Если у насъ считается только 30% грамотныхъ мужчинъ, то % грамотныхъ женщинъ втрое ниже. Но вѣдь мы допускаемъ неграмотныхъ мужчинъ къ избирательнымъ урнамъ; слѣдовательно, грамотность не считается обязательнымъ условіемъ для мужчинъ. Почему же требовать ея отъ женщинъ? Задача будущаго состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать образованіе всѣмъ доступнымъ и, конечно, безъ различія между полами.

Женщины не будутъ независимыми избирателями, говорятъ намъ. Но вѣдь женская зависимость не есть единственный видъ зависимости: есть зависимость экономическая, религіозная, зависимость отъ партій. Мы не считаемся вообще съ такой зависимостью. Зачѣмъ же ее выдвигать въ этомъ случаѣ? Наконецъ, такая зависимость въ отдѣльныхъ случаяхъ ничего не измѣнитъ въ общей картинѣ. Напротивъ, она приведетъ къ тому, что картина представи-

тельства будетъ только больше соотвѣтствовать дѣйствительности, такъ какъ каждый элементъ общества на выборахъ будетъ представленъ соотвѣтственно его дѣйствительному общественному значенію и вліянію. Съ другой же стороны, здѣсь противники женскаго равноправія сами себѣ противорѣчатъ. То они утѣшаютъ женщину, что она и безъ политическихъ правъ имѣетъ большое значеніе, ибо мужчины и безъ того зависятъ отъ нея; а теперь они утверждаютъ, что, наоборотъ, женщины зависятъ отъ мужчинъ. Я думаю, что никакая статистика не разрѣшила бы этого вопроса, и возраженіе это падаетъ, какъ недоказанное. Высказываются нерѣдко опасенія, что предоставленіе женщинамъ правъ нарушитъ семейный миръ. Это опасеніе не особенно подтверждается опытомъ тѣхъ странъ, которыя уже предоставили женщинамъ права, но оно, во всякомъ случаѣ, не гармонируетъ со ссылкой на обычную будто бы зависимость женщинъ во взглядахъ и поступкахъ отъ близкихъ къ нимъ мужчинъ, т.-е. главнымъ образомъ отъ мужей.

Ничего не доказываетъ и ссылка на преобладаніе чувства у многихъ женщинъ. Чувство само по себѣ—вовсе не плохая вещь, и во многихъ отношеніяхъ политика выиграла бы отъ усиленія въ ней элемента добрыхъ чувствъ. Нежелательно лишь чрезмѣрное развитіе чувства и его патологическія проявленія. Если современныя женщины заслужили подобный упрекъ, то не мѣшаетъ помнить, что несвободны отъ него и современные мужчины; а затѣмъ, мы должны, конечно, позаботиться о томъ, чтобы вывести женщинъ изъ той ненормальной обстановки, которая вызываетъ въ женщинахъ эти патологическія явленія. Я думаю, что первымъ шагомъ для этого было бы именно признаніе женщины полноправной личностью и открытіе для нея возможности широкой и свободной общественной и политической дѣятельности.

Опасеніе, что при доставленіи женщинамъ всеобщаго избирательнаго права количество женщинъ, надѣленныхъ правомъ вотума, будетъ больше количества имѣющихъ это

право мужчинъ, не лишено значенія. Но, если бы это было признано неудобнымъ, противъ этого нетрудно принять мѣры; можно, напр., соотвѣтственно опредѣлить возрастъ, съ достиженіемъ котораго женщины дѣлаются избирателями, такъ чтобы для женщинъ этотъ возрастъ былъ нѣсколько выше, чѣмъ для мужчинъ.

У насъ въ распоряженіи имѣется опытъ нѣсколькихъ странъ, отважившихся на предоставленіе женщинамъ политическаго равноправія. Я имѣю подъ руками обстоятельныя свѣдѣнія объ Австраліи и С.-Американскомъ штатѣ Колорадо [1]). И тѣ, и другія свѣдѣнія подтверждаютъ, что реформа эта не сопровождалась никакими вредными потрясеніями для государственной жизни. Нельзя сказать, чтобы участіе женщинъ внесло очень существенныя улучшенія въ политику. Но кое-какое улучшеніе оно внесло, хотя бы, напримѣръ, то, что выборы и политическія собранія стали происходить въ большемъ порядкѣ. Во всякомъ случаѣ, ухудшенія никакого не было. Въ семейной жизни также не наблюдалось никакого разстройства. Манеры и привычки самихъ женщинъ не измѣнились къ худшему. Но, несомнѣнно, на самочувствіе самихъ женщинъ эта реформа оказала благотворное вліяніе и интересъ ихъ къ общественной жизни повысился. Число же противниковъ женскаго равноправія въ этихъ странахъ съ каждымъ днемъ дѣлается все меньше.

Такимъ образомъ, никакой опасности для государства нѣтъ, а справедливость, вниманіе къ личному достоинству женщинъ и новыя политическія условія властно требуютъ признанія за женщинами политическихъ правъ. При такомъ положеніи дѣла мнѣ кажется, что никакого вопроса въ этой области и быть не должно. Женщины должны получить права, и онѣ, несомнѣнно, рано или поздно ихъ получатъ.

---

[1]) См. *W. P. Reeves*, State experiments in Australia and New-Zealand (1902 г.), I, 103—143. Журналъ „Die Frau“, 1906, Januar, стр. 236—241.

Я не могу не примкнуть къ выводу Джона Стюарта Милля, который говоритъ, что вопросъ о различіи пола «имѣетъ такое же значеніе для политической правоспособности, какъ и различіе въ ростѣ или цвѣтѣ волосъ. Всѣ люди одинаково заинтересованы въ хорошемъ правленіи, затрогивающемъ ихъ благосостояніе, и, слѣдовательно, имѣютъ одинаковую нужду въ правѣ голоса для обезпеченія своей доли участія въ его выборахъ. Если въ данномъ случаѣ существуетъ какое-нибудь различіе, то только то, что женщины нуждаются въ политическихъ правахъ больше, чѣмъ мужчины, потому что, будучи физически слабѣе, онѣ испытываютъ большую необходимость въ покровительствѣ закона и общества» [1]).

Необходимо устранить несправедливыя стѣсненія женской свободы, нормы, которыя сложились при другихъ порядкахъ и продолжаютъ держаться въ наше время, только какъ ничѣмъ не оправдываемый пережитокъ отжившей эпохи. Слѣдуетъ помнить при этомъ, что равноправность женщинъ вовсе не означаетъ уничтоженія всякихъ различій между полами въ соціальной жизни. Никто не требуетъ, чтобы женщины стали мужчинами и дѣлали то дѣло, которое способны дѣлать только мужчины или которое мужчины во всякомъ случаѣ выполнятъ лучше нихъ. Требуется только, чтобы женщины признаны были полноправными гражданками и чтобы уничтожены были тѣ несправедливыя законодательныя нормы, которыя не даютъ имъ возможности во всей полнотѣ развивать свои задатки и дарованія и приносить обществу всю ту пользу, которую онѣ могутъ ему приносить, именно какъ женщины; необходимо уничтожить и тѣ ограниченія, которыя затрудняютъ женщинамъ борьбу за существованіе и создаютъ мужчинамъ незаслуженныя выгоды, въ родѣ ограниченій женскихъ правъ на имущество. Предоставьте женщинамъ занять въ обществѣ то мѣсто, которое онѣ могутъ въ немъ занять. Очень возможно, что

---

[1]) *Милль*, „Представительное правленіе“, стр. 99.

женщины не смогутъ замѣнить мужчинъ во многихъ профессіяхъ. Тогда эти профессіи и останутся въ рукахъ мужчинъ. Но, можетъ быть, окажутся и такія профессіи, въ которыхъ женщины будутъ работать лучше мужчинъ, и такія, въ которыхъ оба пола будутъ работать на равныхъ правахъ и съ одинаковымъ успѣхомъ. Можетъ быть, когда общество улучшитъ условія своей жизни, число женщинъ, занятыхъ профессіональнымъ трудомъ, вообще уменьшится: большинство женщинъ будетъ замужемъ и займется исключительно воспитаніемъ дѣтей. Тогда не лишайте этихъ женъ и матерей права принимать активное участіе въ политической жизни. Признайте, что онѣ—такія же гражданки, какъ и все остальное населеніе, и что онѣ должны ими быть, именно какъ матери. Вообще, дайте признаніе принципу человѣческой личности во всей полнотѣ и предоставьте каждому полу занять въ обществѣ именно то положеніе, которое онъ по своимъ задаткамъ можетъ въ немъ занять.

Что касается самой женщины, то для нея, по моему мнѣнію, забота о расширеніи своихъ правъ и объ устраненіи преградъ для своего личнаго развитія является даже нравственною обязанностью. Нашимъ высшимъ долгомъ передъ обществомъ является обязанность давать ему все, что мы можемъ. Слѣдовательно, если есть обстоятельства, которыя мѣшаютъ намъ выполнить этотъ долгъ, мы обязаны позаботиться объ устраненіи препятствій. Такими обстоятельствами, мѣшающими женщинѣ дать обществу все, что она можетъ ему дать, являются устарѣлыя нормы, которыя чрезмѣрно стѣсняютъ свободу развитія женской личности. И женщина не только имѣетъ право принимать мѣры для устраненія этихъ преградъ,—она обязана это дѣлать. Мы же, мужчины, понявшіе справедливость ея стремленій, обязаны оказывать ей посильное содѣйствіе въ этой борьбѣ за болѣе справедливое право.

Такимъ образомъ для женщины стремленіе къ освобожденію есть нравственный долгъ. Для всего же человѣчества такое освобожденіе женщины было бы только огромнымъ

выигрышемъ, такъ какъ оно привлекло бы къ служенію культурному развитію новый запасъ мало использованныхъ силъ. До сихъ поръ наша культура не имѣла полнаго права называться общечеловѣческой. Это была культура, созданная преимущественно одной мужской половиной человѣческаго рода. Вполнѣ общечеловѣческой она станетъ тогда, когда въ ней приметъ участіе въ полной мѣрѣ и другая половина человѣческаго рода. И тогда, быть можетъ, культура скажетъ намъ новое слово, болѣе истинное, чѣмъ то, что она до сихъ поръ говорила.

Конечно, прежде всего должны отстаивать свои права сами женщины. Въ ихъ средѣ пока еще слабо распространено даже сознаніе ненормальности ихъ положенія. Оттого онѣ и оказываютъ еще недостаточное вліяніе на общественное мнѣніе и законодательство. Между тѣмъ, безъ такого воздѣйствія законодательство и нравы не уступятъ. Въ современныхъ обществахъ одерживаютъ побѣду только тѣ идеи, за которыми стоитъ организованная сила общественнаго мнѣнія. Поэтому единственный вѣрный путь женщинамъ въ этомъ дѣлѣ можетъ быть указанъ такой: онѣ должны заботиться о распространеніи дорогой имъ идеи въ обществѣ и прежде всего въ своей собственной средѣ, а затѣмъ о созданіи общественныхъ организацій, которыя проводили бы въ жизнь эту идею. Говоря конкретнѣе, женщины прежде всего должны сами учиться и заботиться о расширеніи женскаго образованія. Онѣ должны помнить, что какъ истинное знаніе невозможно безъ свободы, такъ и свобода немыслима безъ знанія. А затѣмъ онѣ должны развивать въ себѣ соціальный духъ и создавать свои организаціи на почвѣ преслѣдованія совершенно опредѣленныхъ задачъ, какъ-то: развитія женскаго образованія, общественной благотворительности, улучшенія условій жизни трудящихся женщинъ, борьбы съ проституціей, серьезной и систематической разработки и укрѣпленія идеи женскаго равноправія. Эти организаціи, во-первыхъ, сплотятъ самихъ женщинъ, во-вторыхъ, работа въ нихъ надъ опредѣленными задачами дастъ

имъ хоть отчасти и тотъ общественный опытъ, отсутствіе котораго имъ теперь ставятъ на видъ. Въ единеніи—сила. Разрозненными усиліями женщины не многаго добьются.

Женщинамъ предстоитъ, вѣроятно, еще долгая и тяжелая борьба на этой почвѣ. Но если онѣ будутъ вести ее на основахъ знанія и будутъ помнить, что только упорнымъ и серьезнымъ трудомъ можно создать нѣчто прочное въ общественныхъ отношеніяхъ, то онѣ будутъ сознавать, что идутъ вѣрнымъ путемъ къ торжеству справедливости, и никакія временныя неудачи и затрудненія не приведутъ ихъ въ уныніе и не заставятъ опустить руки. А впереди ихъ ждетъ несомнѣнная побѣда на благо всего человѣчества.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Того же автора:

Опытъ характеристики понятій aequitas и aequum jus въ римской классической юриспруденціи. М. 1895 г. Ц. 2 р.

Натуральныя обязательства по римскому праву. М. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Новый трудъ по критикѣ римской традиціи. М. 1902 г. (Учен. Зап. Моск. Унив. Отд. Юрид., вып. 20).

Система римскаго права. I. Общая часть. Изд. 4-е. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к. II. Вещное право. Изд. 3-е. М. 1908 г. Ц. 1 р. IV. Семейное право. V. Наслѣдственное право. Изд. 3-е. М. 1909 г. Ц. 1 р.

Исторія римскаго права. Пособіе къ лекціямъ. Изд. 5-е. М. 1910 г. Ц. 2 р. 50 к.

Женщина наканунѣ новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу. М. 1905 г. Ц. 30 к. (Изд. П. Д. Путиловой).

Общественное мнѣніе и политическія партіи. М. 1906 г. Ц. 15 к.

Значеніе и права народнаго представительства. М. 1905 г. Ц. 8 к.

Избирательное право. М. 1906 г. Ц. 8 к.

Общая теорія права. Изд. 5-е. М. 1911 г. Ц. 1 р.

Этюды по современной этикѣ. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Теорія историческаго процесса. Курсъ лекцій. М. 1911 г. Ц. 2 р. (Складъ въ кн. маг. Н. П. Карбасникова).

Нравственная личность и общество. М. 1911 г. Цѣна 1 р. 35 к. (Изд. Н. Н. Клочкова).

СКЛАДЪ БРОШЮРЫ

ВЪ РЕД. ЖУРНАЛА

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ“.

Цѣна ~~50 к.~~

1,50